

Фортоси

Андрей
Молчанов

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Андрей Молчанов

Форпост

«ВЕЧЕ»

2016

Молчанов А. А.

Форпост / А. А. Молчанов — «ВЕЧЕ», 2016 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8642-9

В юности четверо друзей мечтали прожить свои жизни ярко, счастливо и честно. Однако у судьбы были свои планы на их счет. Кирьян стал дворником. Безобидный и глубоко верующий Федор попал сначала в стройбат, а потом и вовсе в тюрьму. Олег в погоне за мечтой бросил родину, любимую женщину и превратился в американского гангстера. А Арсений стал вором. Но оказалось, что все перипетии их жизни – лишь испытания, подготовка к истинному предназначению. Однажды четверо встретились снова, для того чтобы создать некий духовный форпост Новой России, с которого начнется возрождение разрушенной, обворованной и развращенной страны...

ISBN 978-5-4444-8642-9

© Молчанов А. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Серегин	5
Кирьян Кизьяков. XX век. Сороковые годы	8
Серегин	11
Кирьян Кизьяков. XX век. Пятидесятые годы	28
Серегин. XX век, Девяностые годы	33
Кирьян Кизьяков. XX век. Пятидесятые годы	38
Гангстеры Нью-Йорка	43
Кирьян Кизьяков. XX век. Пятидесятые годы	53
Игроки	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Молчанов

Форпост

Серегин

К своим сорока с лишним годам Олег Серегин подвел итог прожитого и сделал вывод: время, отпущенное ему до сегодняшней поры Богом, истрачено в бесконечной цепи авантюры, в удовлетворении плотских прихотей и всецело посвящено гордыне эгоизма. Итог, естественно, выходил плачевным: никаких полезных для сего мира поступков и достижений он не совершил, оказавшись в одинокой пустоте нынешней жизни. Единственное, что могло бы утешить при таком приговоре себе, – мысль о миллионах подобных, ничуть своим положением не мучающихся, а продолжающих браво и бездумно околачиваться в дарованном им бытии. Однако у Серегина хватило ума, чтобы постичь истину: грешим мы скопом, а отвечаем исключительно за себя, и вовлечение в общую глупость – не оправдание глупости собственной.

Ступор безотрадных умозаключений разрушил звук упавшего из неловко раскрытой пачки патрона. Патрон покатился к краю прилавка, рука покупателя заполошно метнулась к нему, но тот проскочил под накрывающей его ладонью, упав на пол.

Олег невозмутимо смотрел на клиента, суетливо поднимавшего с пола приобретенный товар.

Тучный, лет пятидесяти толстяк – неуклюжий, с одышкой, впервые, видимо, покупающий себе оружие. Хотя – какое там оружие... Четырехзарядное уродливое нечто, отлитое из пластика, помесь ракетницы и нелепого пистолета. Этот гибрид именовался «осой». Название соответствовало результату поражения цели: неприятному для нее, но не смертельному.

– Так это самая мощная травматика? – с надеждой спросил толстяк.

– Знатоки утверждают... – проронил Олег, ставя на лиловой лицензии обладателя «Осы» печать магазина.

– Но, говорят, ее пуля абсолютно бессильна против зимней одежды, – делился сомнениями покупатель. – В таком случае какой же смысл...

– Прежде, чем пробивать в кассу чек, вы должны были сами ответить себе на этот вопрос, – произнес Олег с вымученным добродушием.

– Но... что бы порекомендовали вы? – напирал клиент.

– Из имеющихся на российском рынке стволов – ТТ выпуска тридцатых годов прошлого незабвенного века, – последовал вдумчивый ответ.

– Как?! Это же незаконно...

– Убьете кого-нибудь в голову из «Осы», – срок тот же, – сказал Олег. – В любом случае после выстрела лучше место применения оружия покинуть. Лицензия лицензией, статья статьей.

Лицо толстяка омрачило тяжкое размышление. Механическим жестом укладывая в пакет орудие и коробки с патронами, он изрек:

– Наверное, вы правы... – развернулся и, кряхтя досадливо, двинулся к выходу.

Олег же невольно усмехнулся. Для чего этому типу подобного рода «стрелялка»? Впрочем, несть числа подобным обывателям, ежедневно приходящим сюда за так называемым оружием самозащиты. Вот же придумали этаким суррогатом, оружейные полуфабрикаты, выплевывающие резиновые шарики, способные разве что разозлить агрессора либо при выстреле в голову и в самом деле убить. Но если убьешь – тюрьма, а если разозлишь, то – смотря кого, а то и самому башку снесут... Оружие полумер. А полумеры никогда к успеху не приводят. Уж лучше бы разрешили власти приобретение боевого оружия, тогда и ответственности у его

владельцев куда как прибавилось бы, либо запретили бы все стволы вовсе, вкуче с запредельными карательными санкциями за их хранение, и сошли бы «на нет» сотни соприкосновений бойков и капсюлей по всей стране ...

Только не ему, Олегу Серегину, дана власть управиться с этим вопросом, ведь кто он – всего-то рядовой продавец в рядовом оружейном магазине Москвы с зарплатой в полмиллиметра толщиной... Но и у покупателей, и у коллег по работе наверняка прибавилось бы любопытства к его личности, узнай они, какое оружие и при каких обстоятельствах с ним соприкасалось...

Он знал об оружии все. Или почти все. Этому немало поспособствовала прошлая должность, когда во время первой войны в Ираке его, лучшего снайпера бригады, назначили начальником склада вооружения морских пехотинцев США. Какое только огнедышащее железо не прошло в то время через его руки... Руки американского сержанта, с этим оружием также не раз побывавшего в переплетах.

– Простите, а что вы мне можете порекомендовать?

Милое личико женщины чуть за тридцать, блондиночка, серые ласковые глазки, обведенные старательно, припухлость манящих губ... Стильное, с зауженной талией пальто, подчеркивающее стройную фигуру, и свитер, обливающий налитую, несмотря на некоторую худобу тела, грудь...

Этой стоит заняться.

– Вам нужен пистолет?

– Видимо...

– Простите, для применения в каких обстоятельствах?

– Я поздно возвращаюсь с работы домой, у нас довольно неблагополучный район...

И эта дура думает, что ее спасет какая-то погребушка с резиновой дробью...

– Как вас зовут?

– Настя... – Она улыбнулась, ее лицо озарилось, и он увидел, что она действительно очень привлекательная женщина.

– Меня – Олег. Извините, Настя, а вас что, некому встретить в поздний час?

В глазах ее мелькнула поначалу растерянность, затем, после секундного изучения его лица лукавство, а после – кокетливый сарказм:

– Представьте себе...

Он наклонился к ней ближе:

– Вам нужен элегантный вальтер, но сейчас их нет, однако, если вы оставите свой телефон, я подберу вам замечательную игрушку... Она очень подойдет к вашей изящной сумочке.

– Что подразумевает дополнительная услуга? – снисходительно усмехнулась она.

– То, что она превзойдет ваши ожидания...

– А... где гарантии?

Этот разговор начинал ему нравиться.

– Уверенность в гарантиях происходит от взаимных симпатий, – сказал он. – По-моему, сейчас они начинают возникать, и нам следует их укрепить. Я заканчиваю пребывание в лавке через пятнадцать минут. Напротив – приличный ресторан. Если дождетесь меня там, то получите необходимые консультации относительно любого вида калибров... И закажите себе то, что понравится, не стесняйтесь...

– Оч-чень неожиданно, но приятно...

Шорох пол модного пальто, золотая головка за плоскостью мутной, осыпанной моросью стеклянной двери, неоновая вывеска ресторана через дорогу...

Ужин, такси... Стоило ли? Проститутка выйдет дешевле. Или это подставная девочка? Инициатива вроде с его стороны, но ведь ТАМ такие умельцы устраивать всякого рода свидания и контакты... Нет, вряд ли. Поросли быльем прошлые горячие тропки... Хотя почему

бы не проверить, держит ли он язык за зубами? Ведь так иной раз жажжется открыть перед знакомыми дамами и адами свое блистательное авантюрное прошлое, нисколько не схожее с серой жизнью продавца-консультанта оружейного магазина, обитателя бетонной ячейки-квартиры в белесом девятиэтажном ящике с видом на такой же ящик-близнец и разделительную полосу между ними, именуемую газоном.

Она сидела за столиком у окна, всматриваясь в мокрые блеклые сумерки; шипели шины на нефтяной асфальтовой глади, рассекая стылую жижу, краснели фонари стоп-сигналов, замерших у скворечника-светофора.

– Опоздали на пять минут, – заявила женщина капризно.

– Они пойдут в зачет долговременности наших отношений, – нашелся он.

– Вы считаете таковые возможны? – Ее глаза расширились в притворном изумлении.

– Уверяю вас! – На языке так и вертелось правдивое: что, дескать, он и в самом деле готов к отношениям серьезным, хотя и непродолжительным, но от искренней формулировки надлежало воздержаться, ибо ложь для женщин куда милее всех истин. Да и только ли для женщин?

...Уже засыпая, он подумал, что найти доступную бабу – не проблема. Проблема – что-то при этом почувствовать. Это возрастное или издержки рациональной цивилизации, где секс – всего лишь форма товарного обмена? А может, способ общения? В любом случае поиск родственной души сопряжен с беспорядочной половой жизнью...

Спали они до семи часов утра.

Очнулся Серегин с тяжелой головой – она много курила, а он терпеть не мог табачного дыма, но ограничить ее постеснялся.

Все было как обычно: мягкая постель, мокрые следы босых ног на полу в ванной, остатки зубной пасты в раковине, кофейная сиротливая жижа на дне замусоленных чашек...

До метро добирались пешком.

– Ты обещал лично проверить вальтер, – напомнила она, целуя его в щеку при выходе из двери на пересадочной станции.

– Еще как проверю! – пообещал он, глядя на разрезы морщинок, обогнувшие ее губы. Вчера он их и не заметил.

Вымученно улыбнулся на прощанье. А в голове настырно стучало: «Скорее бы отработать магазинную каторгу и – домой! Поглазеть на чушь синюю с голубого экрана, и – спать! Одному, одному...»

Не оружейная лавка, а сайт знакомств! Ими, этими сайтами, пользоваться ему было категорически запрещено, как и всеми социальными системами Интернета. Но сетью для одиноких дам был магазин, в котором он работал. И в эту сеть то и дело залетала какая-нибудь симпатичная рыбешка... Однако с рестораном – хватит. Гусар серьезно поиздержался.

Кириян Кизьяков. XX век. Сороковые годы

Отец вернулся с фронта весной сорок третьего года, демобилизованный по ранению. Был ранний светлый вечер, розовые тени выстилали отроги таежных сопок, мычали коровы, бредущие с пастбища под ленивые матюги пастуха в домашние сараи, и вдруг хлопнула калитка; выглянувшая в оконце мать потерянно прищурилась, затем всплеснула руками и – стремглав выскочила из избы. А после донесся ее радостно-обморочный вскрик.

И вошел в горницу человек с костылем, отбросил костыль, сделал неуклюжий, с выворотом ступни, шаг вперед, взял его, Кирияна, на руки, прижал к себе. И запомнились ему, пятилетнему, металлические, со звездами, пуговицы на его гимнастерке, густые светлые усы, упруго и нежно ткнувшиеся в щеку, и потертая пилотка с рыжей подпалиной. Человек шел к дому через перелесок из молодого ельника, и пахло от него хвоей и солнцем, но исподволь шли от одежды его и другие, тревожные, запахи: йода, горького дыма, ваксы... А вот от руки его – твердой, но осторожно ласковой, исходил словно бы дух старого дерева, как от киота, хранившего в своей серебряной глубине венчальную икону покойной бабки.

– Отец, отец воротился! – причитала мать. – Вот же, спас нас Бог, оберег от беды!

Потом, уже ночью, он проснулся, увидев в мутном и теплом свете керосиновой лампы мать и отца, сидевших за столом за поздней трапезой, с лицами усталыми, но счастливыми и спокойными, и отец говорил:

– Ничего, заживет нога, тайга дело подправит, да и с того лета трав небось засушила, обойдется... Главное – корову не отобрали, козы на месте, проживем... С молоком-то не пропадем! Ружье на чердаке? Ну, значит, и лось будет, и кабан, и косуля... А завтра сети переберу, рыбки икряной добудем, май на пороге... Поднимем пацана, один он у нас, все – в нем...

Отец – молчаливый, нелюдимый, жесткий на слово, выносливый и мощный, как матерый секач, никогда не повышал голоса ни на жену, ни на сына, хотя за ребячье озорство хлесткий ремень полагался неотвратимо. Он научил Кирияна многим таежным премудростям: охоте, рыбалке, ремеслам. Учил счету и азбуке, что заменяло школу – ближайшая находилась в сорока верстах, каждый день не находишься. Мать переживала: «Неучем останется, хоть бы к кому его в райцентре приткнуть, чтобы за парту сел...». Но отец отвечал:

– Не глупее меня будет... Что сам знаю, ему передам. А к чужому дому не допущу. Все!

Не был отец жаден, в помощи никому не отказывал, и любая хозяйственная мелочь, любой инструмент всегда имелись у него под рукой. А уж как он отбивал косы, выделявал меха и солил рыбу! Как мог зимой по несколько суток обретаться в тайге, ничуть не смущаясь ни мороза, ни зверя. И как знал все травы, почвы и горные породы!

Со своими родителями пришел он сюда издалека, как и мать, считаясь погорельцем, но об истории своего переселения родители говорить не любили, роняли скупые слова о погибшем в огне поселении, и лица их при этом одинаково мрачнели и замыкались. И ничего толком не знал о роде своем Кириян, полагая, что, когда придет срок, обо всем и поведаст ему отец, а покуда пустым вопросам не место.

Деревню составляли два десятка домов, отстроенных более века назад разными переселенцами, хозяйства были крепкими, но война сделала свое дело: более половины мужиков погибли на фронтах, бабы, с трудом тянувшие огороды, скотину и ребятню, перебирались в города, и вскоре половина хат стояли заколоченными, скрываясь в вездесущем бурьяне.

А вот отцу свезло: нашел работу. Открылась неподалеку от деревни зона, понаехало машин и народу: солдат и эков. Появились столбы, потянулась вдоль них колючая проволока, выросли бараки, сторожевые вышки и лесозаготовительные склады. Отца как инвалида войны и героя взяли завхозом – должность немалая, да и сытная. Дали коня – чтобы ловчее до службы

из дома добираться. А конь в хозяйстве крестьянском – царь. И плуг ему – товарищ, и борона – подруга.

Распахал отец с Кирьяном целый луг у реки, и уже через год вся деревня осталась на зиму с запасами, никто без картошки не бедствовал, а мать не успевала набивать подпол соленьями и маринадами.

Сытная пошла жизнь, безмятежная, хотя спал теперь Кирьян мало, работы по хозяйству было хоть отбавляй, и ждал он с нетерпением зимы – времени сладкого, сонного, многими развлечениями наполненного. И на охоту в тайгу с отцом можно сходить или просто на лыжах, а то и на рыбалку зимнюю, и со сверстниками деревенскими тайком к загадочной и страшной зоне пробраться, поглазеть, содрогаясь от невольной жути, на иной мир, по неведомым законам живущий: на суровых солдат с автоматами и мрачную смерзшуюся толпу зеков в ватниках – вероятно, убийц и злодеев... И лица у зеков были одинаковые – угрюмые, серые, а глаза – как у дохлых ершей: остановившиеся в безжизненном отрешении...

А вечером, лежа на матраце ватном на печи, с черным хрустким сухарем и куском каменного рафинада, можно было читать удивительные книги, которые приносил отец. И две из них были любимыми, чуть ли не наизусть заученными: «Остров сокровищ» и «Робинзон Крузо».

Стонала тайга за окном от мороза, трещали бревна дома, голубели узоры инея на окнах, а он был далеко – в синих морях, на знойных островах с зелеными пальмами, среди благородных эскайров и ловких пиратов, ничуть не похожих на своих собратьев – злодеев из лагеря, скукоженных и безликих.

Возвращались в деревню уцелевшие на войне мужики – двужилые, тертые, просмоленные дымом фронтовых пожаров. Они отличались от выдержанного в словах и приверженного к порядку отца: грубые, пьющие, неряшливые, изъясняющиеся матом. Грязные комья этих слов царапали душу Кирьяна, отвергающую их бесстыдную и циничную суть.

В новой жизни отца, как отдаленно он понимал, было много тайн. Вдруг зачастили к ним в дом странные гости. Все явно из города, да из далекого, чуждавшего. Все с подарками, доселе невиданными. Отрезы материи, рубахи цветастые для него и отца, ботинки американские, консервы с иностранными этикетками – их он собирал и хранил, любясь диковинной пестротой букв, рисунков и проникаясь загадочностью тех стран, из которых они чудом переместились сюда, в затерянную деревеньку.

Разные по возрасту и говору, гости были схожи между собой вкрадчивостью манер, нервными вежливыми смешками, значительным немногословием и быстрыми оценивающими взорами. Приходили они поздно, окольно, вечерали с отцом в баньке, а утром растворялись бесследно, словно привиделись Кирьяну во сне. Но однажды услышал он из-под двери разговор отца и матери, выговаривавшей умоляюще, через слезы:

– Окстись! С кем связался! Они ж такие ж воры, как за проволокой сидят! Они ж не за «так» им помогают! А ты для них дурень деревенский, принеси-отнеси! А коли побег учинить соберутся, да от тебя подмоги попросят?! Всех нас под каторгу подведешь!

– Деньги нужны, мать... – басил виновато отец. – И не на баловство какое, а на сына... Всю жизнь у меня за хребтом не просидит, моргнуть не успеем, а ему уже в большую жизнь уходить...

– А он и двух классов не прошел!

– Помогут мне с бумагами, обещали. Вроде как начальную школу закончил. А там, глядишь, в городе его пристроим.

– Да кто поможет-то в том?! Разбойники твои?!

– А кто ж еще? Министр образования, что ль, документ за красивые глаза выпишет?

– Ой, уморишь ты нас...

– Молчи, тархтелка... Знаю, что говорю! Ты меня еще за советскую бесовскую власть поагитируй!

– Ой, батюшка, что ж ты несешь-то? Вот же язык неугомонный! Услышит кто – сам за проволоку пойдешь, и нас за собой потянешь! Вон, глянь газеты, всюду шпионов и измену выискивают, а раньше, вспомни, и вовсе план у уполномоченных был по врагам народа... А не исполнишь плана, самого под гребенку!

– Так они-то враги и есть. А народ – мы.

– Ох...

– А за меня не бойся. Я тебя и сынка под опалу не подведу. Знаю, что делаю. И мазурики эти вот у меня где, в кулаке. А начальство все продажное, шкуры, весь их «левак» мне известен, я их крепко под уздцы прихватил.

Так, умом своим маленьким, но пытливым и осторожным уяснил Кирьян, что происходит он из рода таинственного, природой своей нравственной чуждой тому жизненному укладу, что возобладали в жизни нынешнего людского сообщества, и что законы сообщества этого соблюдать надобно лишь напоказ, дабы выжить, а внутри себя надлежит быть свободным и задуманное вершить тайно, хитро и умело, никому не веря, никого ни о чем не прося и пустыми страхами не терзаясь.

Жизнь казалась ему безбрежным солнечным счастьем. И опоры ее были святы и неразменны: дом, семья, хозяйство. Но были и иные радости: бесконечные открытия, которые дарил тайга, сроднившаяся с ним, и книги, его друзья, открывавшие перед внутренним взором его иные миры, где жили люди, которых он не встречал на земле.

Серегин

Эскалатор повлек его вниз, в гранитно-мраморные хоромы метрополитена, заполненные гулом электричек, хлопанием пневматических дверей, шорохом людского водоворота, но привычная картина этого мертвенно сияющего подземелья внезапно затмила картина иная, выплывшая ненароком из памяти – волшебного склада пережитого, забвенного и незабвенного бытия, архива одного владельца.

И сейчас перед глазами его лежала тьма в прицеле ночного видения, окрашенная болотной ряской изумрудных проплешин и нитей, и была эта тьма ночной иракской пустыней, должной к утру превратиться в грязно-желтое песчаное море с застывшими барашками дюн с подчеркнутыми краями и изредка вспыхивающими искрами кварцевой пыли. И стояли, как рубки подводных лодок на дрейфе в этом иссохшем море, огромные, иссеченные трещинами валуны, отполированные песчаными ветрами и впитавшие в себя за миллионы пронесшихся над ними лет столько солнца, что истекало оно из их раскаленного нутра через разрывы камня в полуденный зной зримым и ломким прозрачным маревом. Но сейчас в оптике прицела валуны выдавал лишь зеленый неровный абрис их силуэтов, похожий на призрачный мох.

Шел восьмой час его неподвижного пребывания в снайперской «лежке». Уже высох дневной и вечерний пот, коростой стянувший кожу, и ночной холод пустыни сжимал своими лапами дюну, в которую он зарылся, подобно местной хитроумной ящерице, и с утонувшим во мраке миром его связывали только линзы прицела и слепой зрачок винтовки, направленный в сторону далекой грунтовой дороги.

Поначалу в учебном снайперском взводе ему казались мукой и два часа, проведенные в неподвижной засаде на открытой местности. Затем счет пошел на четыре, на восемь, на сутки, – одни, другие, и какими же смехотворно скоротечными и праздными казались эти первые учебные часы овладения начальными навыками долготерпения, умения расслаблять и напрягать мышцы, ничем не выдавая маскировку, дышать нужными порциями воздуха и легко подавлять позывы кожного зуда, кашля и чиха!

Эта была его вторая армия, американская, а из первой, российской, вспоминалось напутствие старшины, обучавшего их, молодых солдат, поведению в дозоре: «Хочется пукнуть, но пукнуть нельзя, услышат фашисты, погибнут друзья».

Надо бы попробовать перевести это сегодняшним сослуживцам – повалятся с хохоту. Только рифмы бы подобрать...

Какая все-таки замечательная штука – память, эта удивительная машина времени, и как замечательно путешествовать в ней, замерев в бесконечной и нудной «лежке»!

И вот уже давняя зима, падающие на шинели снежинки, декабрьский упрямый морозец, неуверенный окрик ротного:

– Тише вы, дембели, люди спят!

Наверное, это был счастливейший день его жизни. Он помнил его отчетливо, до минуты.

Их подняли в пять утра, за час до пробудки и ора дневального: «Рота, подъем!» Оделись в парадные кители, заранее бережно сложенные на табуретах, умылись ледяной водой из-под латунных кранов в пропахшей табачным смрадом умывалке и вышли на плац в декабрьское утро, а вернее, в стоявшую еще ночь. И в этой сине-черной темени, затопившей казарменные здания и приземистые хозяйственные пристройки, малиново горели сигнальные огни поджидавшего их кургузого старенького автобуса. Они забрались в его ледяное нутро, исподволь наполнявшееся душным теплом от прогревающегося движка и, не веря глазам, смотрели, как отдаляется и тонет в лиловой ночной туши здание сонной казармы. И вот оно исчезло, как тяжелый дурной сон, и потянулась внезапная рассветная полоса, выдавливая непроглядность горизонта, и они зачарованно глядели на эту ширящуюся полосу света, сулившую

свободу, отдохновение и будущее, казавшееся им, дембелям-десантникам, конечно же, ослепительно-счастливым, бесконечным и прекрасным. Перед ними расстился рай. И предвкушение этого рая предстоящей жизни и свободы обрывало дыхание и радостной тревогой холодило нутро.

Затем был вокзал, поезд, а потом он вышел на родной станции метро «Университет», вдохнул морозный спокойный воздух, пронизанный ленивыми снежинками, и поехал домой, к маме и папе.

Открылась дверь знакомой квартиры,хватило дух от восторга возвращения, и поплыли в глазах милые родные лица... Кололо небо морозное шампанское, серебряная зачерненная ложка черпала – сколько ты хочешь! – восхитительную гущу салата оливье с крабовым, в оранжевых подпалинах, рассыпчатым мясом, доставались из духовки загоревшие в ее жару пирожки...

Ну, вот и прощайте два годика рабства, оброка в неволе, в муштре, бесконечных учениях, прыжках с парашютом, в бессонных дежурствах по роте, в казарменной выхолащенности жизни... Впрочем, стоит ли жалеть о такой закалке? Большой вопрос! И, может, прав был ротный, когда говорил, что эта закалка многим жизнь продлит. Да и со службой ему, Серегину, повезло, в полку он считался неким уникалом. Стрелком номер один. Еще в учебной роте, на первой неделе службы, при начальных упражнениях по стрельбе из автомата, без пауз выбил три «десятки» тремя же патронами, чем изумил взводного и комбата. Командиры потребовали повторения стрельбы, выдав ему уже пять патронов. И вновь тот же результат, хотя автомат в руках он держал впервые. Школа стрельбы из «мелкашки», впрочем, за его плечами была, он занимался биатлоном, но вскоре, несмотря на достижения, забросил это увлечение, к тому же не испытывая никакой тяги к оружию. Однако талант стрелка в нем был заложен природой, и порой, стреляя вслепую, он словно органически ощущал единство пули и цели, безошибочно направляя ствол даже на едва угадываемую вдалеке мишень.

– Эй, Снайпер, где болтаешься? Тебя к командиру полка, шевели поршнями. – Дежурный по роте – рыжеволосый прыщавый верзила, оправил ремень с пристегнутым к нему штык-ножом, усмехнулся глумливо. – Начальство из дивизии прибыло, бухают в столовке, про тебя базарят... Полкан наш клянется, что ты в рубль железный из «калаша» с трехсот метров попадание устроишь, а комдив на спор свои золотые «котлы» на сук повесить готов... Лично слышал, падлой буду. В общем, везуха у тебя: попадешь в часики, от комдива – кнут, не попадешь: от полкана – розги...

Как в тумане, окруженный толпой подвыпивших возбужденных офицеров, он дошел до стрельбища, располагавшегося рядом с казармой, получил зеленый остроконечный патрон, утопил его в обойму и передернул куций крючок затвора.

Он видел только черточку золотистого блеска от корпуса этих часов, подвешенных на покачивающейся от ветерка ветке, а циферблат, тяжесть механизма, торопящего свои шестеренки надлежащим им ходом, достраивал в воображении, привязывая подрагивающую на нити вещицу к колу прицела, ловя верхним его краем неразличимую сердцевину цели, уводя его вправо наперекор коварному ветерку, должному хоть и на чуть, но отклонить пулю... Но вот вертикаль прицела словно выросла в пространство, закаменели кисти и локти, вот блик позолоты часов утвердился в разрезе прицельной планки, и теперь – не прозевать мгновение выбора, наполняющее все твое существо пониманием его безошибочности...

Цевье в облезлом лаке покоилось в его ладони, локоть был крепко прижат к боку, запястье застыло, а тем временем какой-то потаенный участок его мозга решал комплексную задачу определения цели, оценки ее качений и прицеливания, что было даром свыше, подобно дару художника или поэта. Все его тело оцепенело. За исключением указательного пальца, который двинулся по твердой прямой, без смещения, плавно отходя назад, не нарушая положения авто-

мата в руках. В воздух вылетел латунный пузырек стреляной гильзы, выброшенный стремительным затвором.

И пускай пуля еще воем в полете, а приклад не вдавился в плечо, но он уже знал: попал! Выиграл!

Нет, промазал... Не торкнулось под сердце органическое ощущение столкновения кусочка свинца с препятствием – в вату, в никуда канул он...

Но золотая черточка внезапно скользнула вниз – пропадая, утрачиваясь, уходя из пространства выстрела, исчезая бесповоротно, и тут-то полыхнула горячая догадка: повезло, да как повезло!

Он промазал. Он взял чуть выше. Но он не промазал. И вспомнилась ненароком где-то и когда-то услышанная фраза: «Решение проблемы зачастую лежит вне плоскости проблемы...»

И тут же ворвался в сознание растерянный мат комдива, ровный «ох» его офицерских прихвостней, мелькнула сбоку кривая, но и опасливая усмешка комполка, неподалеку же от него – колом вытянувшийся с безразличным лицом ротный...

– Извините, товарищ генерал, – обернулся он к командиру дивизии. – Мне было жалко ваших часов...

– Не понял, боец... – Багровела в степном просторе стрельбища начальственная одутловатая морда с досадливо скривленной щекой, блестели холодно и зорко уставившиеся на него глаза генерала.

– Часы, говорю, у вас хорошие, должны ходить и ходить...

В глазах напротив мелькнуло недоверчивое понимание.

А вдали уже мельтешила задница расторопного адъютанта, ринувшегося за драгоценным имуществом командира, и вскоре, утирая пот со лба околышем фуражки, тот протянул комдиву ладонь, и лежали на ней безмятежно тикающие часы... Нить-подвес, просунутая в замок ремешка, была оборвана на сантиметр.

Комдив, ухватив этот кончик нити, победно продемонстрировал часы притихшей офицерской ватаге. Затем обратился к комполка:

– Думаешь, ты спор выиграл? Не-е, он! – И ткнул пальцем в Серегина. – Ты у нас кто? – Снисходительно покосился на лычки. – Сержант? Уже сегодня – старший сержант и – десять дней отпуска.

– И «Отличник Советской армии», – прибавил комполка, кивнув. – Внести в военный билет, – он оглянулся на ротного.

– Как же ты... в нитку-то? – внезапно опомнился комдив, глядя на осыпанного неожиданными милостями сержантика в застиранном «хэбэ». – Это ж мистика, что за фокусы?

– Я просто... так умею стрелять.

– Ды-к... тебе в спортсмены надо... Ты же первым чемпионом стать способен!.. Твою мать, а?! Да тебя бы на поля Великой Отечественной! – Усмехнулся. – Первым апреля с немцем бы закончили...

Знал бы советский генерал, что стоит перед ним будущий снайпер армии США, но до табачно-шпинатной американской униформы предстоит ему, Серегину, стоптать еще немало подметок на иных скользких и жестких стезях...

Но – стоп! Сейчас он за праздничным столом в стародавней советской Москве, и висит на спинке кухонного стула китель с сержантскими погонами, а в глазах – лицо мамы, а в голове – блаженный кавардак и предчувствие новой замечательной жизни.

И все-таки он не выдержал: встал из-за стола, надел свитер, джинсы, курточку, поймал такси и поехал к Анне: не мог не увидеть ее сегодня, как ни старался удержать в себе свою вымученную отчужденность к ней: мол, была первая любовь, пусть и останется первой...

Они были ровесниками и познакомились за три месяца до его забрития в армию. Он увидел ее в метро. Она уже выходила из вагона: высокая, ладная, русоволосая, с прозрачными,

словно смеющимися, глазами, а он стоял у противоположных дверей, понимая: еще миг – и она смешается с толпой и надо ринуться следом, позабыв все дела, а иначе не будет ему покоя никогда. Но он словно прирос к полу вагону, не в силах двинуться, оправдывая себя блажью и суетностью такого порыва, но, когда двери уже начали смыкаться, тогда, в стремительном рывке через сомнения и леность, он протиснулся через тиски резиновых створок на перрон, и тут она обернулась, увидела его, а он произнес в растворенный в ее глазах мир:

– Я... в принципе... за вами...

– В каком-то каком принципе?

– В самом главном!

Три месяца их била лихорадка неутолимой бесшабашной страсти. Они словно вросли друг в друга, не видя вокруг ничего. Но только серенький листок повестки из военкомата на его письменном столе лежал неотвратимым и беспощадным приговором будущей пропасти разлуки.

Следующий год едва ли не каждый день он писал ей, а она ему. И вдруг:

«Встречалась с одноклассниками. Был Сашка – помнишь, рассказывала о нем? Предложил мне бросить мой педагогический, перевестись на журналистику в университет. Сашка учится, но работает уже в газете, пусть внештатно. Такой молодец! Думаю, стоит попробовать».

Ах вот уже и Сашка-молодец!

Он перечитывал ее письмо, дрожа от ярости. Время близилось к отбою, рота строилась к вечерней поверке, и тут одногодок-сержант шепнул:

– День рождения сегодня, проставляюсь. Водяра и закусь в каптерке. Дневальный на стреме. Уложим роту, запремся и гуляем, понял?

– Мне не повредит, – усмехнулся он.

Проснулся по подъему. Голова гудела, как монастырский колокол при набеге врага. Тошнота выворачивала нутро. И точило сознание какой-то жуткой ошибки, совершенной в пьяном забвении вчерашнего угара...

И только после завтрака, к которому не прикоснулся, спросил одного из вчерашних собутыльников:

– Как я? Не выступал особо?

– Не, ты у нас письма вчера писал... Подруге, мы так поняли.

– Какие письма?

– Писал – рвал, писал – рвал... Ты зря убиваешься, это с каждым вторым... Как говорится, помни солдат: стоя на посту, ты охраняешь спокойный сон того парня, что дрыхнет с твоей девушкой... Хорошо, у меня одни шалавы в истории, все с чистого листа начну...

– Так письма-то где?

– Черновики в сортире... А окончательный вариант ты в конверте дежурному отдал...

– Как?!

Сержант-собутыльник мрачно посмотрел на часы:

– Почта уже двадцать минут как того... Так что жди реакции...

Ответ пришел через неделю. Тоненький конвертик и куцый листик бумаги. И одно лишь слово на нем: «Прощай».

Больше он ей не писал. И она ему тоже.

Автобус довез его до знакомой остановки. Он вошел в подъезд, позвонил в ее квартиру. Открыла она. Родная, нежная, милая... Он захлебнулся словами. И сказал – не раздумывая, как дышал:

– Я так ждал тебя...

– А как тебя ждала я...

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Чистые пруды». Серегин остановил взор на газете, деловито разворачиваемой пассажиром, сидящим напротив. Заголовки первой полосы интриговали:

«Ку-клукс-клан по ошибке провел агитацию среди афроамериканцев».

«Женищина, умершая во время секса, ожила в гробу».

«В США приняли за новость убийство Франца-Фердинанда».

«Приставы принудительно установили унитаз жительнице Челябинска».

Интересно бы почитать... Впрочем, ему есть чем отвлечься. Давай-ка вновь оживай, машина времени, крути свои волшебные несусветные шестеренки... Куда отправимся на сей раз? Обратно в ночную пустыню?

...Они появились у него со спины. Уж что-что, а этого никто не ожидал. Осведомитель доложил, что машина с террористами должна появиться на грунтовке ночью, хотя предварительный разведосмотр ими окрестностей не исключался, а потому три снайпера, отвечавшие каждый за свой сектор, были устроены на «лежки» заблаговременно. Сомнительный выигрыш цели выпал на сектор его, Олега. Однако никакой машины с дозором врага, которую ждали, не появилось: мимо, буквально в метре от него, со стороны пустыни, прошли шестеро мужчин в местной просторной одежде, в легких меховых безрукавках, но без оружия, налегке, хотя двигались настороженно, переговаривались шепотом, а один то и дело вглядывался в прибор ночного видения. Но где же тогда фугас, лопаты... Или это и есть разведгруппа? И в ней шесть человек, целая толпа? Странно...

Люди были поджары, стремительны в своих движениях, от них веяло уверенностью, коллективной слаженностью и способностью не раздумывая дать отпор. Они являли собою единую боевую машину, все части которой были притерты друг к другу, как часовой механизм. Но, в отличие от механизма, вывод из строя одной шестерни не означал его остановки: другие шестерни мгновенно бы взяли на себя утраченную функцию. И уже в закономерной неизбежности выстрела Олег осознал нутром выстраданное товарищество этих людей, их справедливую убежденность в своем деле и то, что, уничтожив их, возьмет на себя грех, неоправданный никакой войной и необходимостью выполнения приказа.

Да и за что ему было воевать? За доминирование США во всем мире? За интересы всякого рода корпораций? Здесь, на этой войне он оказался по случаю, а вернее, просто сбежал на войну от нехороших парней, способных свести с ним счеты, и теперь просто выжидал время, чтобы вернуться обратно с некоторой суммой сэкономленной зарплаты.

И чего ради вешать на себя груз смертоубийства?

Люди подошли к обочине, покопались в песке, извлекли из него лопаты, а после – некий увесистый предмет, обернутый в ткань. Он понял: это – заранее упрятанный здесь фугас, а перед ним не разведгруппа, а саперы, приступающие к минированию дороги.

Вызвал базу, шепотом доложил о появлении «гостей». Начальство чертыхнулось досадливо, осознав недостоверность вводной информации, а после прозвучал приказ: уничтожить противника, не дав ему уйти в ночь.

«Да пошли вы...» – подумал он отстраненно, принося бровью к резиновой чашке прицела.

Сухой шелчок бесшумного и беспламенного выстрела. Разверзлась лоскутами дубленая кожа безрукавки на плече одного из арабов, выскользнул из его рук фугас, тут же подхваченный двумя присевшими от внезапной тяжести напарниками, донесся гортанный болезненный вскрик. И тут же сметливые умы воинов уяснили таившуюся в темноте погибель, тут же, оставив на песке снаряд и подхватив подранка, метнулись через дорогу, где валялись брошенные их соратниками лопаты. А соратники, петляя, уже скрывались в темени пустыни, но стрелять им вслед Олег не собирался, краем глаза узрев ослепительное око поисковой фары поднявшегося из-за далекой каменной гряды вертолета. В вертолете – снайпер, в распоряжении летчика

– пулеметы, и если у летунов приказ по открытию огня на поражение, цена его, Олега, гуманизма – гневная выволочка за халтурное исполнение воинского долга. Хотя кому он здесь чего должен?

В палаточный городок его привезли с рассветом. Операция закончилась благостно, как церковная месса: партизаны без боя покорились высадившейся из вертолета группе захвата. Олег сдал оружие и рацию дежурному, принял душ, выпил чай с сэндвичем и завалился в койку, уснув под мерное жужжание кондиционера. Уже погружаясь в сон, легонько усмехнулся, вспомнив незабвенную советскую казарму с ее прокуренным сортиром, вонью портянок и храпом сотни парней под одним потолком на узких железных лежбищах. А ведь вроде бы и ничего так было, вполне приемлемо...

И приснилась ему Аня. Сон был муторный, расплывчатый, тяжелый. Она плакала безысходно и горько, словно бы по нему, Серегину, а он пытался обнять ее, утешить, он был уверен, что вернулся обратно, что они снова вместе. Но образ ее ускользал, удалялся, а потом между ними за клубилась серая ватная стена, чей морок он безнадежно и отчаянно пытался раздвинуть, разорвать, и тут же проснулся, охваченный тоской и ощущением обидной потери.

Неужели он потерял ее? Ту, которую единственно любил и, что говорить, предал. А во имя чего? Пустых скитаний по миру в поисках неведомого счастья на чужих берегах? А то, настоящее, счастье было рядом, а он и не замечал его. Будущая семья, дети, поденная служба ради этой семьи, однообразие работы и быта – вот что предлагалось ему, а хотелось иного: увидеть мир, вдоволь покуролесить, вкусить все пряности бытия... Что ж, так и вышло, наверное. А вот и расплата за пряности: одиночество, неизвестность будущего и пустота, пустота, пустота...

Возвратиться в Москву? А что там? Аня, наверное, вышла замуж, такие красавицы, умеющие любить и быть беззаветно преданными мужу, без внимания не остаются. Родители – те сами по себе... Тогда куда? Или жизнь сама собой направит в новое русло судьбу непутевого стрелка Серегина, достаточно лишь устремиться к нему?

Из той, советской, армии он прибыл в иную страну, по-прежнему именуемую советской империей, но уже стоявшую на пороге неминуемого краха. Никто не верил правителям, разброд и шатания охватили все общество, бывшие стереотипы карьер и образования виделись зыбкими и ничтожными, формула «купи-продай» стала лейтмотивом существования миллионов.

Родителей постигла нищета. Мать уволили с работы по сокращению штатов, зарплату отцу, работавшему в конструкторском бюро, не выплачивали месяцами, цены между тем росли каждодневно, и семью кормил Олег, устроившийся в кооператив, торговавший пиратской продукцией видеокассет с мутными копиями продукции Голливуда.

Заведовал лавочкой тучный подвижный пройдоха по имени Рома, еще во времена советской власти схлопотавший срок за подобного рода занятие, именуемое тогда «незаконным предпринимательством», и круг его подручных составляли старые знакомые – бывшие спекулянты и фарцовщики, также прошедшие многие правоохранительные инстанции – от милицеских до исправительно-колонияльных. Олег, удачно обзаведясь в армии водительскими правами, исполнял роль курьера по развозу заказчикам готовой продукции, для чего ему были выделены служебные потрепанные «жигули».

Это была абсолютно чуждая ему среда, отдающая криминальным стяжательским духом, и потому, руководимый остерегающим инстинктом, он представился новому коллективу под вымышленной фамилией, благо паспорта никто не спрашивал. Адрес места жительства, однако, указал верный: в ту пору он арендовал однокомнатную квартиру, чей хозяин интересовался не личностью поселенца, а исключительно своевременной оплатой жилплощади.

Он снял эту квартиру, предполагая, что станет жить в ней с Аней, но с предложением переехать к нему тянул, неуверенный хоть в какой-либо определенности настоящего и будущего. К тому же что он умел делать? Стрелять, водить машину, довольно складно переводить

с английского на русский. Развивать эти навыки, превращая их в профессию, смысла, по его мнению, не имело.

Поэтому он просто выживал на территории огромного блошиного рынка, в который превратился его город – прежде просторный, величавый и безмятежный. Эти давние приметы надежной устоявшейся жизни, наполнявшие пространство былой Москвы, истаявали каждодневно и неотвратно, ибо один поток времени, зависший долгим спокойным циклоном, вытеснялся потоком иного времени, подчиняясь непреложному закону перемен.

Бойкий шеф Рома – прибалтанный полуинтеллигент с незаконченным из-за тюремного срока высшим образованием, был манерен, кичлив и боек на язык. Фразы высокого штиля уживались в его речи с фрагментами отборной «фени»; дорогие, с иголочки костюмы – с дражными носками и грязными ногтями; из двухнедельного пьянства он впадал в месячник трезвости и, осыпая подарками и комплиментами жену, не вылезал из апартаментов проституток. Он представлял ярчайшее воплощение принципа единства и борьбы противоположностей, объясняя свою суть происками зодиакального знака Близнецы, под которым родился.

По словам Ромы, он был вхож в сферы боссов организованной преступности, с некоторыми из которых познакомился в местах не столь отдаленных, а именно в одной из уральских колоний. Местами же отдаленными, как им компетентно разъяснялось, являлись зоны Дальнего Востока, и таковая официальная классификация пенитенциарной географии определилась еще во времена царизма. Хвастливые его заявления о дружбе с некоторыми из лидеров криминальной Москвы сглаживали некоторую напряженность в коллективе, чьи члены небезосновательно опасались притязаний к ним крепнущего во всех сферах деловой активности рэкета, способного нагрянуть в процветающую лавочку в любой момент.

– Если чего – базары веду я! – утешал Рома коллег, покорно стоявших у стеллажей, где пара десятков моргающих цифрами и лампами видеоманитофонов копировали очередной заокеанский шедевр гангстерских походов. – Пусть только сунутся! Пойду к Росписи или к Бешеному, они им вмиг подотрут сопли!

И вот случилось так, что во время очередного страстного и вдумчивого заверения Ромой собрания подчиненных в своем всемогуществе и непогрешимости в арендуемый кооперативом подвал вошли неизвестные. Трое.

Внешность и повадки гостей мгновенно и без сомнений выдавали в них категорию граждан, определяемую словом «бандиты». И намерения этой категории столь же мгновенно и без сомнений были восприняты общим коллективным полем сознания трудового сотоварищества. Так воспринимают парнокопытные появление в своем загоне прокравшихся через лаз волков.

Бандиты вошли в лавочку по-хозяйски вальяжно, со скучной уверенностью – подобно тому, как подходит к облезлой машине мелкого обывателя дорожный блюститель порядка, брезгливо и покровительственно раздумывая о мизерности, но и неотвратимости мзды, должной переключаться из тощего кошелька жертвы в карман жертву стерегущего; таким же печальным и умудренным взором смотрит джигит на блеющего у костра барашка, лежащего на боку с перевязанными ножками, и так же многоопытный и усталый хирург озирает распластанное под лампами тело очередного бедолаги...

– Платить будем? – без предисловий спросил старший бандит, обращаясь к Роме, ошибочно определив, кто здесь главный, а также и то, что долгие предварительные разъяснения такому типу, как Рома, не требуются.

Рома ощутимо побледнел, затем покраснел, но, совладав с естественным волнением, довольно небрежно произнес, глядя поверх голов неожиданных посетителей:

– Уже платим!

– Кому? – вновь спросил старший хлипкого сложения парень с тонким, словно заостренным стамеской, носиком и глумливыми глазками с плавающей в них издевкой.

Двое кряжистых верзил в кожаных куртках помалкивали, оценивающе обозревая помещение подвала, заполненное источающей рабочий жар видеотехникой.

– Бешеному, слышал о таком? – с дерзкой ноткой ответил Рома.

– Почему же нет? – спокойно отреагировал востроносый. – Звони ему, пусть приезжает, увидимся.

– А не в разных ли вы категориях, чтоб тебе ему «стрелы» забивать? – окончательно осмелел Рома и даже картинно уселся на угол стола, сложив на груди руки и сузив презрительно очи.

– Хорошо, мы не гордые, подъедем сами, – покладисто согласился собеседник. – Дай гудок, пусть «забивается» где удобно...

Поразмыслив, Рома снял трубку телефона. Набрал номер. Пальцы его заметно дрожали. И, как понял Олег, стоявший неподалеку от выхода, уже одетый и готовый выйти на очередной курьерский маршрут, толку от этого звонка не будет. Виделось это и в пониклости шефа, и в задумчивости, омрачившей его лицо, и в набряклости отяжелевших складок щек... Может быть, Рома действительно знал этого могущественного Бешеного и, вероятно, пару раз здоровался с ним за руку, но то, что состоял с ним в каких-либо деловых отношениях – вряд ли, как выяснялось сейчас. И надеялся Рома на авось и свой артистический нахрап при вероятной встрече с вымогателями. Но, оказавшись в реалиях такой встречи, гадал лихорадочно, каким образом ему выйти сухим из воды. Кроме того, если знакомые Роме авторитетные жулики и посодействовали бы ему, то в экономическом плане их услуги означали бы равнозначную кабалу.

Злые и злом умудренные гости, судя по всему, понимали текущую ситуацию точно так же, и понимание такого рода напряженно пронизало прокуренное тусклое пространство подвала обреченностью и безнадеей.

– В общем, так, – поразмыслив, изрек Рома, кладя трубку на рычаг телефона. – Никто не подходит, но сегодня я обязательно с ним свяжусь, а встречу назначим на завтра.

– Что же это за «крыша», которую в нужный момент не найдешь? – лениво удивился востроносый. – И неужели у авторитетного человека Бешеного нет секретаря и помощников? Что-то ты гонишь, друг, этот бизнес устроен не типа «налейте стакан за труды»...

– Ладно, я пойду, – сказал Олег, которому до разбирательств шефа никакого дела в свете ничтожности его собственной должности не было.

– Ты постоишь и потерпишь, – даже не обернувшись в его сторону, проронил глава бандитов. – И когда я разрешу кому-либо отсюда выйти, тот выйдет.

Небрежная лапа одного из верзил зацепила Олега за отворот куртки и развернула спиной к стеллажам.

Но прежде чем был завершен этот унижительный жест, запястье верзилы было перехвачено, бывший десантник, следуя нехитрой механике отработанного приема, провел болевой на локоть и, когда противник невольно согнулся от боли, с силой подтолкнул его вперед.

Не меняя согбенной позы, парень влетел головой в чугунную батарею. И пока пытался, матерясь, приподняться, второй бандит сноровисто выхватил из-под полы пистолет, наведя его драчливому курьеру в лоб.

Не было ни эмоций, ни мыслей, ни смятения. Олег, словно нехотя, поднял руки, кончиками пальцев зацепил край кепки, равно как на учениях по рукопашному бою свой голубой берет, и через мгновение кепочка уже летела в физиономию владельца пистолета. Безусловный рефлекс, конечно же, сработал: глаза противника невольно зажмурились, и потекла главная секунда поединка, в течение которой левая рука Олега отодвинула кисть с оружием в сторону, а кулак правой впился в переносицу – плоскую и уже неоднократно перебитую. Пистолет брякнулся на пол, верзила, схватившись за лицо, взвыл с утробной ненавистью, невольно присев от боли, но оружие уже перешло в руки победителя. Щелкнул затвор, выбросив имевшийся

в стволе патрон, отвелся назад курок, и напарник, неловко корячившийся возле батареи, с осторожностью замер, мигом уяснив, что ТТ товарища находится в руках умелых и твердых.

Востроносый, ничуть не утративший невозмутимости, с любопытством уставился на строптивного деятеля от коммерции. Пожевав губами, он произнес:

– Глупо. Отважно, но глупо. Теперь все усугубилось. Впрочем, верни пушку, и начнем все сначала.

– Выходим из помещения, – произнес Олег первое, что пришло ему на ум. – Выходим очень быстро. Потому что стрелять я люблю и умею.

– Это что тут за «обморок»?.. – вытирая кровь, натекающую на лоб из разбитой о батарею головы, произнес, наконец-то выпрямляясь в полный рост, первый бандит.

Второй, еще не пришедший в себя, с залитым кровью подбородком, неуверенно поднимался с пола.

– Разберемся, – равнодушно пожал узенькими плечиками востроносый. Был он одет в кашемировое пальто с зауженной талией, подбородок его подпирал узел шелкового пестрого платка, а легкие с иголки мокасины отличала изысканность. – Пойдемте, ребята. – Он кивнул подчиненным на дверь. – У нас много дел, в числе которых подготовка счета этой конторе. – У двери он обернулся на Олега. Посмотрел на ствол, провожавший своим настороженным зрачком зловещих посетителей. Улыбнувшись мягко, посоветовал: – Пистолетик храни бережно, он нам еще пригодится. Патрон вон на полу валяется, приberi. Нынче они не выпускаются, большой дефицит. А всем остальным – до встречи! – И, пошевелив шаловливо пальцами над головой, ретировался.

Рома и его окаменевшие от испуга компаньоны немо воззрились на Олега, изучавшего лежащий на ладони черный плоский пистолет.

– И на хрена ты устроил мордобой? – наконец изрек глава видеоподвала. – Ты представляешь, если они – из серьезной банды? Ты представляешь?! – Голос его звучал со слезливой истерикой.

– Они первые начали... – тупо произнес Олег.

– Он тебя всего-то за куртку лапнул, а ты его в батарею! – Рома уже откровенно возмущался. – А кому теперь отвечать? А?! А они серьезные братки, я сразу понял! Они точно под ворами ходят, если самому Феде Бешеному «стрелу» забивают, это не понты...

– Зато я чувствую, у тебя насчет дружбы с этим Федей – понты раскидистые, – зло сказал Олег.

– Ну, это мы посмотрим!... – Рома нервно поперхнулся. Затем, обреченно махнув на Олега рукой, распахнул платяной шкаф и достал куртку. Спешно в нее облачаясь, пояснил подчиненным: – Еду к братве, будем решать вопрос. К семи вечера всем быть тут. Пушку, – обратился он к Олегу, – сунь под стеллаж...

– Мне с ней уютнее, – буркнул тот.

– Ну, как знаешь...

– А если эти... заявятся? – спросил один из компаньонов, не перестававший то и дело икать.

– Через час привезу крутых пацанов, – пообещал Рома. – Все будет в ажуре. Прорвемся, как на танках, переживаний не надо. Пушку, если чего, вернем... Ну, отстегнем за перегибы... А может, и нет. Короче, ждите! – И, крутнувшись юлой своего пухленького тельца в дверном проеме, отбыл в неведомые криминальные инстанции.

Он действительно не обманул ожиданий, явившись через час с лишним в компании двух потертых субъектов со страшными физиономиями, достал из холодильника бутылку водки и свертки с офисной закуской.

Зазвенела посуда, и напряжение, до сих пор висевшее в воздухе, начало мало-помалу истаивать.

– Все решил, мы теперь ходим под пацанами, – кивал Рома на молчаливых типов, разливавших алкоголь по стаканам, – они разрулят...

– Завтра все порешаем, – умудрено кривил губы один из уголовных персонажей, закуривая неторопливо сигарету «Кент». – Пусть братаны приезжают, объясним, перетрем...

– Это все вот! – тыкал Рома пальцем в Олега, смиренно сидевшего в углу и участия в трапезе не принимающего. – Нашелся тоже... Робин Гуд прямо какой-то, слов нет...

Потертые вздыхали сочувственно, бросая на Олега осуждающие взоры.

Когда из офисного холодильника извлекли бутылку под номером два, внимание компании привлек настырный шум, донесшийся со двора, со стороны мутного подвального оконца. Шум нарастал, и вскоре в нем явственно ощутились его составляющие: многочисленный шелест шин, скрип тормозов, хлопанье дверей и грубые мужские голоса. Один из компаньонов-менеджеров, подвинув табурет к оконцу, с опаской взглянул в зарешеченное стекло с наслоениями никотина и пыли, а затем проворно с табурета спрыгнул, объявив трагически:

– Там целая кодла!

И тут же, едва не слетев с петель, подвальная дверь, сорванная чудовищной силой с магнитного замка, растворилась, и уверенный голос произнес:

– На выход, фраерочки, и без шуток! Через минуту бросаем гранату!

Видимо, несмотря на огромное превосходство в силе, противник помнил о конфискованном фраерочками ТТ, и нести потери в личном составе не жаждал.

Потертые деловито переглянулись и первыми потянулись к выходу. Энтузиазма на их физиономиях не читалось, но профессиональный долг в данном случае предполагал вынужденную отвагу действий.

Выйдя во двор, Олег, лишь слухами питавшийся о всякого рода московских бандитских разборках, невольно обомлел: все пространство двора заполняли машины с зажженными фарами и человек пятьдесят крепких парней в спортивных костюмах и в кожаных куртках.

Потертые, терпеливо сопя, стояли смиренно возле вальяжного востроносого, о чем-то нехотя и, как казалось, неуверенно с ним объясняясь. Рома и компания, растерявшие какую-либо уверенность, прислонились к стене дома, ибо ноги дельцов не держали.

Беседа «крыш» протекла мирно и скоро, после чего один из новоявленных защитников подошел к Роме, поведав веско и хмуро:

– Накосорезили вы тут, ребята... То на Бешеного поначалу кивали, то вдруг нас впрягли по-горячему... В общем, мы позже пришли, потому отъезжаем... Всем привет!

– Пушечку вернем? – Востроносый, окруженный полукольцом двухметровых телохранителей, приблизился к Олегу.

Тот, молча достав из кармана ТТ, протянул его бандиту.

– Ну-с, – передав пистолет подручным, молвил тот, – теперь о делах. Пять тысяч зеленых американских рублей в месяц, – обратился он к Роме. – Штраф за упорство: десятка. И еще по двушке за сопротивление вот этого кренделя... – Он указал на Олега. – Каждому из пацанов. Кровь, даже малая, стоит денег.

– А я-то чего? – залепетал Рома. – Я ему чего, приказывал, что ли?

– Тоже верно, – последовал умудренный кивок. – Пусть платит виноватый.

Тут из толпы вышел парень, поставив перед Ромой алюминиевую канистру. Определенно с бензином.

– Если соглашение не достигнуто, – пояснил востроносый, – то сейчас мы опорожним эту тару в вашей лавочке и кинем в окошечко спичку. Ваше слово, господа коммерсанты.

– Да, – хмуро изрек Рома.

– Ну, поехали, – хлопнул бандит по плечу Олега. – Остался мелкий вопрос. Этот вопрос – ты.

Страх не было, пустота и отрешенность. В машине никто не произнес ни слова, и Олег, стиснутый на заднем сиденье двумя крепкими тушами уголовников, тоже молчал, безразлично глядя на напряженный затылок водителя, подсказывающий на мелких рытвинах дороги.

Подкатили к какому-то ресторанчику, расположенному в дебрях спального района, прошли через массивную дверь с округлым верхом в полутемный пустой зал. У барной стойки сидели две крашенные девицы в юбках, более напоминающих состроченные по размеру тощих бедер шарфики. У девиц были напудренные до безжизненной белизны лица-маски и ало подведенные помадой губы. Интерес, сверкнувший в их глазах при появлении посетителей, тут же угас при идентификации вошедших в бар персонажей, и девицы вернулись к своим бокалам и к сигаретам, обменявшись невнятными, но явно разочарованными репликами.

Прошли в служебное помещение, более напоминавшее офис: столы с новомодными компьютерами, из-за которых в городе еженедельно убивали спекулянтов, висящий на кочерге кронштейна телевизор в углу, в другом углу – отчего-то свадебная икона в киоте... Впрочем, тут Олегу пришло на ум, что многие урки и лиходеи сентиментальны и богобоязненны.

Востроносый снял пальто, аккуратно повесил его на вешалку. Громилы стояли позади смиренного Олега.

– Ну, – сказал хозяин помещения, пригладив зачесанные назад жиденькие блондинистые волосы и устремив, вытянув шею, бесстрастное лицо с глумливыми бесцветными глазками на невольного гостя. – Давай-ка, дружок, знакомиться. Вообще... документики!

– В офисе оставил, – буркнул Олег. Бумажник с документами он действительно оставил в служебной машине под сиденьем.

Востроносый повел взором в сторону одного из громил, и тот, будто читая мысли шефа, скоренько и шустро Олега обыскал, вытащив из его кармана связку ключей: от офиса, «жигулей» и от квартиры.

Ключи перекочевали к востроносому, а оттуда – в сейф, где Олег заметил несколько пухлых пачек дензнаков явно неотечественного происхождения.

– На самом деле мы люди интеллигентные, – начал востроносый, усаживаясь в кресло за командным столом из красного тяжелого дерева на гнутых массивных ножках. – И понимающие. Свое хозяйство ты сегодня охранял отважно, принципиально, но храбрый враг тем и опасен... Так вот. У нас тоже существуют принципы. Нанес урон – плати. Ты – нанес. Урон озвучен. Теперь вопрос: когда разрешите получить, чтобы вас не огорчить?

Олег призадумался. Кооперативная двухкомнатная квартира в текущее время, в конце восьмидесятых, стоила десять тысяч рублей, компьютер – шестьдесят тысяч, видеомагнитофон – три тысячи, а доллар – пятерку. То есть, по сути, с него требовали оплату двух приличных домовладений.

– У меня нет таких денег, – сказал он.

– И это ответ? – с сочувствием уточнил собеседник.

– Именно.

В тот же момент Олег получил удары сзади, от братков: в затылок, ребром ладони по руке, после последовала подсечка, он упал, уклоняясь от последующих пинков ногами, но тут шеф урезонил своих костоломов, кротко выдохнув:

– Хватит ему для разминки...

Серегин встряхнул головой, пытаясь встать. Попутно в памяти всплыл стишок, рожденный в годы зарождения российского коммерческого движения и сопутствующего таковому движению рэкета:

Уронили Мишку на пол,
Прострелили Мишке тапок.
Запихнули в попу веник.
Мишка должен много денег.

– Ну, если ничего нет, что ты выбьешь из меня кулаками и подошвами? – Еще сидя на полу, произнес он.

– Квартира у тебя имеется?

– Нет, снимаю... Я вообще недавно из армии...

– Ай-яй-яй, бедный мальчик... – Востроносый рассмеялся мелко, потом посерьезнел. – Значит, плохи твои дела. Отрежем тебе башку. И предъявим ее РOME. Чтобы лишний раз убедить его в серьезности нашего сотрудничества. Хотя... дам тебе шанс. Сейчас мы оттяпаем тебе пальчик. Я умею это делать одним движением: красиво и практически безболезненно. – Он полез в ящик письменного стола и достал оттуда нож с рукояткой, обернутой черной нитью. Форма и лезвие ножа напоминали японскую катану в миниатюре. Следом за ножом на стол легла деревянная дощечка, и на ней Олег не без содрогания заметил глубокие поперечные разрезы в коросте бурого цвета. – Итак, что говорит практика? – с удовольствием произнес палач, кончиком указательного пальца лаская отточенный край клинка. – Практика говорит, что после простой и короткой ампутации мысли человека, стремящегося сохранить материальные предметы, неодухотворенные жизненной силой, эти мысли стремительно испаряются... А если золотую рыбку кладешь на сковородку, количество желаний увеличивается в десятки раз...

И тут же шею и руки Серегина перехватили крепкие пальцы мучителей, и мысли Олега в самом деле заматались, выкристаллизовываясь в спасительное, хотя и безумное, решение...

– Стоп, – прохрипел он. – Есть вариант...

– Ну, – доброжелательно наклонился к нему востроносый, почесывая ножом подбородок с реденькой, пробившейся за день трудов несправедливых, щетинкой.

– Приятель у меня... – сказал Олег, грубо отводя сгиб локтя, сжимавшего ему шею. – То же из ваших... Не знаю, под кем уж там ходит... В общем, неделю назад оставил у меня мешок стволов. Пять автоматов, семь пистолетов. В масле, тихие... Попросил сберечь, сказал, что неприятности у него, могут нагрязнать менты...

– И чего? – раздался вопрос из-за спины.

– Нормальная компенсация, думаю...

– А где стволы?

– Приняли его менты. На следующий день, – сказал Олег зло и убежденно. – Ну, я прикинул: где это железо сохранить? Вдруг его прессовать станут, а он меня и сдаст, кто знает, как жизнь повернется?

– Это да... – Востроносый отложил нож в сторону, кивнув сочувственно.

– В общем, знаю одно местечко... Пруд. Ну, поехал туда под вечер, все сбросил...

– Зачем же в пруд? Закопал бы...

– Ага... Лопату покупать, место выбирать... Чего им в иле будет?

– Где пруд?

– По Волоколамскому, потом налево... Там путаная дорога. Но я покажу, коли интерес есть...

Востроносый задумался. Тяжело, аж личико пакостное отвердело, на миг изжив гнусь своих глумливых черт. Затем спросил:

– А с приятелем как бортами будешь расходиться?

– Разойдемся, – сказал Олег. – На то и приятель.

– Смотри, мы свое получим, с долгом ты согласился, стволы сам выкатил, будут разборки – тебе разруливать, коли понятия знаешь...

– Представляю... В общем.

За спиной крякнул едкий смешок.

– Ну, хоть и ноябрь на дворе, а придется нырять, – донеслось резюме. – Причем тебе.

– Лодка нужна и магнит, – сказал Олег. – Стволы по одному кидал, метров на двадцать от берега...

– Вот кретин! – донеслась реплика, злобно дыхнувшая в затылок.

– Чего только в жизни не бывает, – то ли согласился, то ли погоревал востроносый. Встал из-за стола. – Ладно, я уехал, – глянул на подтянувшихся подопечных. – Ты, – указал он на сутулого парня, – добудь к завтраму плавсредство, канат и магнит...

– Магнит у меня в гараже есть, – отозвался тот. – Такой... к танку прилепится, на буксире тянуть можно. Чушка – килограмм в десять... Трос – не проблема, а лодку надувную у Шурки Косого возьму, он рыбак...

– К батарее его пристегните в подсобке, – молвил востроносый, облачаясь в пальто и мыском ботинка стирая о палас бугорок прилипшей грязи. – Ведро на ночь вместо параша, воды кружку. Утром решим, как и что. Все! – И, привычным жестом покрутив растопыренный пятерней в воздухе, удалился.

Олега препроводили в подсобку. Затеять сопротивление троим жлобам, наверняка искусственным во многих потасовках, было попросту глупо: он дал пристегнуть себя наручником к водопроводной трубе, присел на пол, упершись затылком в стену. Болела рука, ныла голова, под горло подкатывало отчаяние, и он погрузился в тяжкие, безысходные размышления.

То, что он поведал изуверам, являло собой лишь плод его горячечной фантазии в желании спасти жизнь, находящуюся, как он понимал, под нешуточной угрозой.

Уголовщина в стране безнаказанно и уверенно процветала, и укорот ей никто не давал. Каждодневные убийства не успевали учитывать, не то что раскрывать. Посему жить с оглядкой на торжество закона и уложения уголовного кодекса могли лишь люди наивные и в государственность верующие, а уж к ним Серегин себя причислить даже не пытался.

План, родившийся в его голове, был таков: приехать на берег знакомого пруда, недалеко от которого некогда располагалась дача тетки, заморочить мозги бандитам и, улучив момент, через кукурузное поле юркнуть в березовый лесок, затеряться там. После выбраться к дороге, поймать попутку и вернуться в Москву. Никаких других сколь-нибудь разумных вариантов избавления от плена ему не виделось.

Когда его охватила пыльная молчаливая темнота чужого враждебного помещения, он, прислонившись спиной к стене, погрузился в короткий зыбкий сон.

Утром отвели в туалет, дали стакан воды вместо завтрака, затем снова отвели в подсобку, где продержали до второй половины дня. После на пороге возник деловитый востроносый, поведав с ухмылкой:

– Ну, все готово. Едешь с пацанами за тем, что нам обскажал.

Его вывели на улицу. Свежий ветерок, ударивший в легкие, на миг опьянил его. Он осмотрелся. Перед ним стоял черный громоздкий джип – непомерная роскошь для поры конца восьмидесятых. Возле машины – трое громил с неприветливыми рожами, короткими стрижками. Двое одеты в кожаные куртки, третий – сутулый, с выпяченной челюстью и перекошенным узким ртом – в длинное шерстяное пальто и отменные, лоснящиеся от свежего крема штiblеты.

– Снасть мы взяли, – сказал Серегину один из парней. – Магнит дивный, канат прочный, лодка в багажнике... Еще чего надо?

Серегин, мрачно мотнув головой, полез в машину. Сел на заднее сиденье. Компанию ему составил тип в пальто.

Джип взревел мощным мотором и поехал себе. Быстро пронеслась Москва, ближайшие пригороды, осенняя сухая дорога шуршала под широкими шинами.

Свернули на узкий проселок, тянувшийся вдоль старого хвойного леса, затем пошел разбитый стародавний асфальт, ведущий к клоповнику нищих дач, влетели в яму на очередной

развилке, при этом от встряски у сутулого вывалилась вставная челюсть, и – полилась родная речь...

Однако вскоре в лобовом стекле показался, как откровение, заветный пруд. Берег его, загаженный навалами строительного мусора с обломками бетонных плит и сгнивших досок, упирался в край дороги, отгороженный от ее шербогачего полотна жестяными лентами отбойной полосы.

Уже начинало темнеть, в далеких коробках домов городских окраин затлели желтые прорехи окон. Светлая полоса заката истаивала под давящей синью сумерек. Пруд, будто впаянный, неподвижно стоял вровень с берегами, обросшими высокой засохшей осокой, темный, как остывший чифир. А к перелеску через старую вырубку шагали молчаливым строем сварные опорные мачты электролинии, похожие на огромные инопланетные существа с раскинутыми руками, бредущие послушной вереницей за горизонт, как солдаты к линии фронта.

С трудом найдя проплешину на обочине дороги, выгрузили тюк с лодкой, насос и круглую тяжеленную шайбу магнита. Гангстеры переоделись в резиновые сапоги и брезентовые плащи с капюшонами. Из багажника также были извлечены удочки, дабы ввести в заблуждение стороннего наблюдателя ролью рыбачков-придурков, пытающих счастье на загаженном мертвом пруду в неурочное время.

– Будешь показывать, куда грести, – приказал Олегу один из бандитов, накачивая педалью насоса постепенно вздувающееся серой резиной походное плавсредство.

Серегин рассеянно кивнул, прикидывая шансы побега. Мерзавец, кутавшийся в пальто, не спускал с него настороженного взора, постоянно находясь за спиной, а рука его покоилась в кармане, оттянутом предметом, наверняка представляющим собой злой пистолет.

Дело было плохо. Иллюзии не соответствовали подвохам реальности.

Кукурузная плантация, в чьи спасительные дебри намеревался ринуться Серегин, увы, была аккуратно скошена, остатки промерзших серых початков валялись повсюду, как оставленные на поле боя снаряды, а бежать до березового облетевшего перелеска предстояло значительную дистанцию, без труда преодолеваемую пулей. Оставалось лишь ожидание страшной развязки. От бандитов несло ощутимой неприязнью и темными помыслами, и теперь, очутившись наедине с ними в вечерней глуши, он всецело уверился в том, что, хотя и подними они со дна несуществующие стволы, пощады ему все равно не будет.

Лодка между тем отчалила от берега, гребец потряс веслом, смахивая с него налипшую грязную тину, схожую с пропитанной нефтью ветошью, и крикнул Олегу:

– Ну, куда теперь, фраер?

– Вперед и – забирай чуть левее, – отозвался тот. Затем, обернувшись к своему стражу, сказал: – К берегу давай подойдем, оттуда кидал, сориентироваться будет проще.

Тот сумрачно кивнул.

Приблизились к воде, глядя, как «рыбачки», установив по бортам удочки, разматывают канат с привязанным к нему магнитом. Серегин прикидывал шансы: резко обернуться, сбить конвоира с ног, оглушить... Нет, подонок держал выверенную дистанцию и был, чувствовалось, на чеку, ожидая от пленника любой пакости.

– Ну, здесь кидаем? – донеслось с лодки.

– Давай! – согласился Серегин.

Магнит ушел под воду. Дождавшись его упокоения на дне, уловщики потянули канат. Вынырнувшая из воды чушка напоминала странного ежа. Приглядевшись, Олег понял, что она густо облеплена осклизлыми проржавевшими гильзами.

– Ты чего, и гильзы сюда бросал? – донесся вопрос.

Серегин, немало пораженный внезапной находкой, сподобился на сдержанный кивок.

Магнит, очищенный от хлама, вновь скрылся под водой, и новый сюрприз не заставил себя ждать: из воды был извлечен целехонький ружейный ствол без приклада. Судя по всему,

пруд по невероятному стечению обстоятельств и в самом деле являлся хранилищем неведомых криминальных тайн.

– Твой? – демонстрируя ствол, спросил один из рыбаков-бандитов, и Олег снова кивнул.

– А автоматы где?

– Ты кидай, кидай... – небрежно произнес Серегин, искоса наблюдая за утратившим бдительность сутулым стражем, заинтересованно вытянувшим шею в направлении лодки и сопящим прямо в ухо Олегу.

Он уже приготовился обернуться и нанести удар бандиту кулаком в лицо, но тут магнит вновь вознесся над плоскостью воды, и Серегин оцепенел: на металлической подошве плотно укрепились две ребристые округлые гранаты...

– Во, сюрприз! – воскликнули в лодке.

– Осторожно, пацаны! – крикнул сутулый, выступая вперед Олега и предупредительно махая рукой.

– Знаем, не бзди! – последовал снисходительный ответ, затем Олег увидел пальцы, уцепившиеся в одну из гранат в попытке оторвать ее от притяжения стальной плоскости, а в следующий миг в этих пальцах словно чиркнула спичка, тут же разросшись бледно-желтым пятном, и Серегин, столь же мгновенно уяснив природу этого всплеска света, повалился на землю. Грохота он не услышал, но ему показалось, что вокруг него взорвалась вселенная. Все заполнило ослепительно-красный свет, в нос ударил запах дыма и пороха, свистящая упругая волна пронеслась над головой.

Сквозь оглохшее сознание до него пробился тонкий болезненный ор сутулого. Тот стоял на карачках, пытаясь привстать с земли. Из кармана пальто, с распластанными по земле лапами, торчала рифленая рукоятка пистолета. Он был похож на подбитую дробью ворону.

Очумевший Серегин, поднявшись на негнущихся ногах, взял сутулого за шиворот, потянул к обочине. Соскальзывая подметками штиблет на глине, тот медленно, скособочившись, привстал. Пальто его зияло рваными прорезами от ударивших в грудь осколков, по столь же драным, измазанным землей брюкам обильно текла кровь.

– Спаси! – просипел сутулый. – В больничку меня... – И Олег, машинально подхватив его сползающее на землю тело под талию, другой рукой изъясил из кармана пистолет, сунув к себе за пояс. Впрочем, таковую мимолетную, в рабочем порядке конфискацию служебного оружия сутулый отстраненно проигнорировал.

Серегин обернулся в сторону пруда. Из его черной безмятежной глади выступал лишь нос лодки. Да! Не все то лебедь, что над водой торчит... Присутствия «рыбачков» не обнаружилось, они словно растворились среди безмолвия поникшего камыша и стоячей воды.

Он с трудом доволоч до машины тяжеленного, как бревно, бандита, из которого хлестала кровь, будто из садовой лейки, уместил его на заднее сиденье и не мешкая тронулся в сторону города.

У первой попавшейся на дороге больницы свернул к приемному отделению, выволок стонущего доходягу, прислонив спиной к пандусу и, не дожидаясь появления нежелательных свидетелей, поехал дальше.

Подрулив к знакомому бару, осмотрелся. Найдя в вещевом ящике салфетки, протер руки, счистил пятно крови с рукава куртки и прошел в дверь, цепко оглядев полутемное пространство. Те же девицы за стойкой, две молодые пары за столами. Одна из девиц, подняв на него глаза, сказала игриво:

– Куда спешите? Составьте компанию, не пожалеете!

– Вы такая фешенебельная, что мне нерентабельно... – буркнул Олег, приветственно махнул рукой бармену и двинулся к боковой служебной двери.

А вот и логово востроносого... Достав из-за пояса пистолет, оттянул затворную раму, узрев маслянистую латунь гильзы. Патрон был в стволе и, судя по всему, еще час назад предназначался именно для него.

К огромному облегчению Олега, востроносый пребывал в рабочем одиночестве, озабоченный изучением каких-то бумаг. Перед ним стоял чай в мельхиоровом подстаканнике, в пепельнице дымилась длинная тонкая сигарета.

Подняв глаза на вошедшего, деловой человек застыл с вытянутым лицом. После, пожевав губами, спросил цветным голосом:

– Что за явление?

Серегин наставил ему в лоб безжалостное немое дуло. Прощедей:

– Верни ключи, сука.

– Сейчас, сейчас... – Востроносый, чье лицо побледнело некими слоями, где серый цвет соседствовал с белизной рафинада, будто слоеный торт, крутнулся косою юлой в кресле, потерянно поводит руками над столом жестами медиума и, обнаружив наконец заветный ключ от сейфа под бумагами, привстал, сделав нетвердый шаг к металлическому ящику.

– Открывай, мразь!

– Чего случилось-то? – бормотал востроносый в изумлении, отпирая дверцу.

Олег молчал, глядя на его хлипкую, как у подростка, шею и беззащитный затылок с прилипшими к нему редкими вспотевшими волосиками. Взвесив пистолет на раскрытой ладони, словно булыжник, коротко размахнулся и вlepил литье масляной оружейной стали в голову врага, гуманно подгадав удар чуть выше виска. Впрочем, не столько гуманно, сколько расчетливо, – сидеть за убийство выродка не хотелось...

Хрюкнув утробно и коротко, мучитель завалился недвижным кулем на уютный войлок паласа. Серегин распахнул дверцу сейфа, сразу же увидев свои ключи, лежащие поверх перетянутых резинками пачками долларов. Наручных часов, конфискованных бандитами – незамысловатых, с потертым ремешком, доставшихся еще от отца, в сейфе не нашел, а потому позаимствовал тонкий золотой «Брегет» с запястья поверженного противника. Взяв со стола сумочку утратившего сознание главаря, он, рассмотрев в ней бумажник, засунул поверх него деньги и, с трудом застегнув распухшее галантерейное изделие на замок, вышел в помещение бара.

– Ночью дождя не обещали? – деловито спросил Олег у покосившихся на него проститутки.

– А хер его знает, – произнес нежный девичий голос.

Деловито и скупно кивнув человеку с бабочкой за стойкой, распахнул дверь, ведущую на улицу.

Доехав до места парковки своих «жигулей», открыл их, сунул руку под переднее сиденье, с облегчением обнаружив под ним портмоне с документами, а затем, подойдя к полуподвальному оконцу, заглянул в щель между шторами. В шарашке кипела знакомая жизнь. Моргали лампочками видеоманитофоны, за командным столом восседал озабоченный Рома, вертя в руках какую-то видеокассету, соратники рылись в картонных коробках, сортируя товар. Возврата сюда Серегину отныне не было. Он хладнокровно взглянул на свои новые часы. Достойная замена... И спешащая по кругу золотая стрелка советовала ему хлопотливым примером своего движения поторопиться...

Перевоз вещей со съемной квартиры в спасительные родительские пенаты занял не более часа. Джип он отогнал в центр города, бросив в переулке и мстительно выкинув ключи от него в кусты.

Вышел на Тверскую улицу, еще носившую имя пролетарского писателя Горького, едва ли востребованного в отринувших коммунистические идеи массах. Невольно в голове составила фраза: «Алексей Максимыч Горький был несладкий человек...»

Он потерянно усмехнулся таковому опусу...

Вдоль улицы тянулись бесконечные лотки и их подобия. Торговали, разложив разномастное барахло на табуретах, перевернутых ведрах, попросту на подстеленном на асфальт картоне. Фонари едва тлели, власти экономили электричество, и во мгле у импровизированных прилавков во множестве горели свечи.

И это бывшая имперская улица, ведущая к сакральному Кремлю?!

Во всей представившейся его глазам картине сквозила такая убогость и обреченность, что ему остро захотелось уехать отсюда навсегда. Нищета, бандиты, продажность недальновидных болтливых политиков... И с этим – прозябать?

Он тряхнул головой.

Теперь предстояло навестить Аню, поведав ей о случившемся, а после – искать новую работу. Впрочем, с ее поисками можно было и повременить. Денег на хлеб насущный теперь у него имелось предостаточно.

Кирьян Кизьяков. XX век. Пятидесятые годы

К шестнадцати годам Кирьян покинул дом, отправившись в город, в ремесленное училище. Родитель справил сыну костюм: не в ватных же старательских портах предстать ему перед городскими модниками?

Лихие людишки, подкармливающие своих дружков в зоне, обещали отцу обустроить сына так, чтобы тот ни в чем нужды не испытывал, о тех, кто препоны чинить будет, им бы докладывал, а коли случатся невзгоды, то обещали подсобить всячески.

Мать заклинала его, чтобы компаний с попечителями своими он не водил, ни на какие их сладкие посулы не откликался, но и без нее Кирьян знал убежденно и отчетливо, что не те это люди, с кем нужно по жизни идти, пустые они и ненадежные, праздной выгодой пробавляющиеся, следа доброго не оставляющие и исчезающие в итоге беспамятно, в никуда, как снег талый и листья прелые.

Звали этих людей ворами, жили они чужим, несли всем лишь горе, ущерб и слезы, однако не тяготились они своим темным ремеслом, а, напротив, кичились, считая себя находящимися в этой жизни по праву, подобно волкам, санитарам стада. Да и стадо, что удивительно, мирилось с ними, как с данностью, а потому – что толку пенять на несовершенство мира, тем более именно стадо и порождало своих обидчиков. Однако существовала и еще одна сила, надстоящая и над стадом, и над волками: пастух. Но пастухами рода человеческого надо и родиться, и стать. А пока юный школяр Кирьян только осваивался в незнакомой среде тусклого скучного городишки с архитектурой барачного типа, жил в общежитии, – здании из кирпича, выкрашенного режущей глаз красной краской, притираясь к сверстникам, среди которых было немало местной шпаны. И добросовестно, а иначе и не умел, изучал специальность слесаря по ремонту сельскохозяйственной техники.

Сосед по комнате – долговязый прибалтанный парень по имени Арсений, не расстававшийся с папиросой, одетый по босяцкой моде в тельняшку, люстриновый пиджачок и в зауженные – под хромачи «гармонью», порты, встретил Кирьяна подколками: дескать, чего приперся сюда, деревня? От крестьянской доли отлынивать? Городских девок щупать? Или по пивнушкам и киношкам колобродить? Ну, тогда держись – здесь тебе быстро роги поотшибают, коли не в ту колею вывернешь...

Смолчал Кирьян, ответил косым прищуром на насмешки брехливые, а вечером навестили его приглядывающие за ним урки – мол, как устроился, чем помочь? И одарили урки борзоватого Арсения парой небрежных взоров, много чего тому поведавших, и тотчас после ухода зловещих гостей принял он образ паренька дружелюбного и отзывчивого, и явно не из страха и принуждения, а по соображению выгоды, способной извлечься из знакомств Кирьяна.

От безысходности пошел Арсений в ремеслуху, заставила одинокая, выбивающаяся из сил мать, и по всему виделось, что ненавистны были ему и дисциплина, и науки, и приложение рук к металлу, а мечталось о жизни легкой, безалаберной и трудами необремененной, да и что тут крутить – воровской. И «финка» у него была, и отмычки, и даже дореволюционного издания словарь блатного языка, изучаемый им куда прилежнее пособий по алгебре и физике.

Вторым соседом Кирьяна стал его ровесник Федор, также из городских, но представлял он собой полную противоположность наглому и лихому Арсению характером мягким, покладистым, стремлением к учебе, врожденным тактом и терпеливой молчаливостью.

С Федей Кирьян сдружился сразу же, проникнувшись к новому товарищу симпатией и доверием, отмечая опрятность его, добросовестность и философское безразличие ко всякого рода бытовым неудобствам, первое из которых являл собой неутомонный Арсений. Тот натапывал грязными подметками пол в комнате, был криклив, поминутно матерился и часто возвращался в общагу к рассвету после загадочных походов в ночном городе. Возвращался

через подвальное окно с выставленной рамой, как правило, навеселе, порой битый, а однажды заметил его Кирьян у умывальника, отмывавшего засохшую кровь с хищного клюва «финки».

Происходил Федор из семьи поповской, отец служил в областном храме, чудом уцелевшим после революционных погромов, и большинство будущих ремесленников, проникнутых постулатами коммунистической идеологии, относилось к нему насмешливо и свысока. Порой позволяли себе подленькое, исподтишка рукоприкладство в понимании его безнаказанности, ибо кто вступится за чуждый элемент в здоровом обществе строителей светлого будущего?

Но тут уж за сотоварища своего вступился Кирьян, расквасив пару носов, да и Арсений не подкачал, пригрозил ножом обидчикам, а одного и порезал слегка для остроты. Логика его заступничества была путаной, но искренней: мечтал он о церковных татуированных куполах на своей груди, положенных заслуженным бродягам, кроме того, как многие уголовники, был парадоксально богобоязнен. А гонения на церковь расценивал как происки властей, по определению враждебных всему свободолобивому, к чему причислял близкое его натуре блатное сообщество.

Под Рождество, на каникулы, Федор пригласил Кирьяна к себе домой – на праздник великий, к столу домашнему, да и развеяться в деревенских забавах: на лыжах по лесу пройти, с сопок на санках покататься, в притоке реки со льдом разваленным, сачком-подъемником рыбу половить.

Все сбылось, как обещал товарищ, и снова очутился Кирьян рядом с тайгой, с воздухом родниковым, с водой из ключа, с заботами деревенскими, с избами, тяжело заснеженными, сараями с коровьим и козым духом, ничуть его не смущавшим, – здоровый то дух, от жизни он, а не от мертвого парфюмерного лукавства. А рассветный крик петуха, врываясь в сон, лишь сладость сна осознать давал и счастливого бытия продолжение.

Село было большим, с конюшней, тракторами, пшеничными и ржаными угодьями, полями льна, многочисленным населением, ватагами ребятни, и, как сразу же уяснил Кирьян, несмотря на колхозную партийную политику, народ не бедствовал, жил смекалисто, кормился тайгой, браконьерил на речке и держался друг за друга. Здесь не веяло ни унылостью заброшенной деревни, ни равнодушием городской отчужденности. И секрет столь редкого колхозного процветания, как пояснил Федор, заключался в личности местного директора, мужика ушлого, здешнего уроженца, умеющего и властям не перечить, и за народ постоять хитроумно.

Но и иное открытие ожидало его, открытие величайшее, самой судьбой ему предназначенное, что понял он сразу, душой затрепетавшей смятенно и явственно в теле и в сознании пробудившейся, как нечто отдельно от существа его оформленное. Случилось это, как только шагнул он в храм, где вел службу отец Федора в облачении золотом, среди начищенной бронзы подсвечников, зачерненных временем икон, под лазоревым куполом свода, блеклыми фресками расписанного.

Никогда доселе не был он в храме, да и о Боге и вере в него ведал смутно, ибо отмалчивались от таких разговоров отец и мать, да и другие отмахивались от его вопросов, а тут явственно и безошибочно уяснил он, что оказался в месте своем, родственном самой сути его, и отныне бесповоротно необходимом. Именно здесь, как представилось неясно, но проникновенно, предстоит ему постигнуть иную науку и иное получить знание – путеводное, неразменное.

А вечером, уже в доме священника, подойдя к нему и поклонясь стесненно, произнес он, алея от вероятной глупости и сумасбродства своего обращения к человеку высшему, многие собой неведомые тайны олицетворяющему:

– Дядя Феодосий... Хочу, чтоб наставили... Чтоб в храм неучем не ходил... Ну, еще окреститься, коли требуется...

На него смотрели веселые, внимательные глаза. Но не было в них ни тени насмешки, ни всплеска пренебрежения.

– И откуда у вас этакое желание, молодой человек?

– Как в церковь зашел, так как-то... Ну, сразу.

– Окреститься недолго. Но сначала надо понять, ради чего. Пошли, долгий разговор будет...

И всю последующую ночь в свете керосиновой лампы читал он Новый Завет, а утром засыпал батюшку вопросами, а после снова пошел в храм, и снова долгая вечерняя беседа со священником затянулась до полуночи, и снова он читал, читал и читал...

А после было крещение – великая веха в его жизни. И каждое мгновение свершенного таинства он благодарно запомнил и сохранил в себе. И выйдя из храма, внезапно, остро и счастливо понял: теперь у него есть вечный и неотъемлемый оберег. И главное – быть оберега достойным.

Тогда ему казалось, что это так просто...

В разговорах с отцом Феодосием на все вопросы его он отвечал без лукавства, но и сам спрашивал:

– А раньше, до Христа, ведь жили на этих землях люди, и вера у них была – хоть какая, пусть языческая, не винить же их за то?

– Все было, – последовал ответ. – А что именно – кому ж то ведомо? Но то, что в Сибирь из Индии и Тибета народы пришли в незапамятную пору, тому сродство языков сегодняшних и доказательство. А религия древних тоже осмеянию не подлежит: там, в слоях нам невидимых, много сущностей таится – и добрых, и злых, и недаром им поклонялись, и доселе они рядом с нами, и хулы своей и унижения не потерпят... Только над всеми ими – Бог, а у тебя заступник и спаситель отныне – сын его, таков был твой выбор. Ладно, мороз сегодня спал, пробегись с Федькой на лыжах, что в избе торчат – вон солнце какое...

– А чего всюду лозунги, будто религия – опиум для народа? Ведь от опиума – вред, а какой вред от церкви?

– Революция – вот, опиум... – пробурчал Отец Феодосий. – Гуляй давай, сердечный, набирайся воздуха...

Обратно в город Кирьян и Федор возвращались, объединенные своей общей, не подлежащей праздному разглашению, тайной. И чувствовали себя родными братьями, пусть в том друг другу не признавались, стыдась елея сентиментальности и напыщенности голословия.

А ночью, уже в общежитии, встав с казенной кровати, подойдя к заиндевелому окну, фиолетово озаренному уличным фонарем, мерзлым крючком склонившимся над улицей, едва различая черные тени зданий, испытал Кирьян такую слезную тоску по оставленному селу с его, казалось бы, вечным праздником чистой и ясной жизни, что поджал ком под горло от грядущего однообразия учебки, ее мастерских, стен в выцветшей масляной краске, от глупых и суетных сотоварищей, неизвестно к чему стремящихся...

А к чему стремится он, Кирьян?

И тут все будто соединилось в голове: село, уголья, церковь... И главное: община. Вот он – стержень благополучия многих, соединенных общим трудом и верой. И над всем этим должен стоять священник – главный правитель, судья и глашатай от Бога. Ранее – жрец. Тот, чье слово – закон.

Но какой правитель и жрец из отца Феодосия? Он всего лишь примиритель, утешитель, наблюдатель ритуалов, шестерня в иерархии церковной машины и ничто в глазах всепоглощающей советской власти, снисходительно позволившей ему пребывать в сани.

Так значит, все хрупко, зависимо и ненадежно? И малейший каприз власти способен обратить в прах любые труды и чаяния? Но и власть беспощадно сжирает своих слуг, всю жизнь положивших на вхождение в нее, достаточно заглянуть в газеты... Был начальник, и вот уже подпирает затылком кирпич расстрельной стены... Что же остается? Прозывать, пресмыкаться, плыть по течению, ожидать неясных перемен? Или все его рассуждения – гордыня, от которой остерегал священник?

С этими путаными тягостными мыслями Кирьян уснул, а утром о них и не вспомнил, разбуженный вернувшимся из очередных ночных скитаний Арсением. Не зажигая света, в потемках, запыхавшийся, с блуждающим взором, тот сунул ему в руки увесистый тряпичный сверток, шепнул осипшим от волнения голосом:

– Спрячь прямо сейчас понадежней, не в комнате только, я побежал, легавые на хвосте... – И, крутанувшись на каблуках, запахнул на себе полушубок, ринувшись обратно к двери.

Кирьян развернул сверток. Деньги. Да немалые, в крупных ассигнациях...

Страх и внезапная догадка о своей невольной вовлеченности в какое-то неведомое черное дело в мгновение испепелили паутину сна, он подскочил на постели, оглянувшись на мирно посапывающего Федю, спешно оделся и бросился по лестнице вниз, к кладовке, набитой хламом. Раскрыл дверь, обитую впусченной фанерой, увидел под завалами промасленной ветоши обрезки ржавых водопроводных труб, глубоко засунул сверток в нижнюю, с обваренной на конце втулкой, приткнул к трубе сгоревший вонючий трансформатор с почернелыми витками меди и – вспорхнул стремительной тенью по пустынным предутренним лестницам обратно на свой этаж.

Забрался под одеяло, сомкнув глаза. Но уже через считанные минуты с нижних ярусов здания донеслось хлопанье дверей, начальственные баритоны, торопливой походкой, скрипя сапогами, по коридору прошли люди, затем в комнате вспыхнул свет, и сквозь прищур растрепованных глаз он увидел синие милицейские шинели, алые канты погон и грубые напряженные лица.

– Ну-ка, встать! – прозвучал хриплый приказ.

Кирьян нехотя спустил ноги на пол. Спокойно посмотрел на вошедших. Сонный Федор, притулившись к спинке кровати, ошарашенно водил глазами по сторонам и машинально крестился, шмыгая носом.

– Где подельник?! – на взвинченной ноте прозвучал вопрос. – Деньги где?!

– Какой еще подельник?.. – выдавил из себя Кирьян.

– Арсений, корешок твой...

– Он мне такой же корешок, как вы... – Дерзость вырвалась непроизвольно и вяло, но разозлила милиционеров всерьез.

– Ах ты, шпана гнусная... – Старший обдал его привычным матом. – За дураков нас принимаешь?

– Я по первому впечатлению о людях не сужу...

– Что?! Сейчас ты у нас запоешь: «Зачем меня мать родила»! А ну, подъем!

Полетели по сторонам подушки, простыни, перевернуты были матрацы и выпотрошены чемоданы с жалким ребячьим скарбом, пересчитаны гроши в кошельках, отодвинут косо шкаф с дверьми – распахнутыми, как и полы шинели упарившегося от обыска дознавателя.

Глава милицейских, поразмыслив трудно, решил сменить гнев на милость. Усадил Кирьяна на кровать, протянул ему папиросы. Тот мотнул головой:

– Не курю...

– О, как! – искренне удивился милиционер. Затем, приобняв Кирьяна за плечи, произнес доверительно: – Ну, колись, паря, мы ж все знаем, сюда он метнулся, нам точно доложили... Или вы неудачно моргнули и все проспали? – Посмотрел на омертвевшего от страха Федю, сообразил что-то презрительно и быстро, повел губой и продолжил веско: – Слово офицера даю: ничего вам не будет, скажите только, деньги где...

– Никаких таких дел, – ронял слова Кирьян, глядя в сторону, – мы и Федю с Арсением вашим не водили. И к чужому касаться не привычны. А что с нами он тут прописан, то не нашим желанием, комендант расселением заведует.

Мильтон нехотя убрал руку с его плеча.

– Ну, не хочешь по-хорошему, значит, с нами поедешь...

– Ваша воля... – вздохнул Кирьян.

– Да ты прям как попик! – ослабился милиционер. – Небось и в Бога веришь, и в церковь ходишь? И этот вон... – кивнул на Федора, – крестами себя осеняет, как заведенный... Гнездо тут, что ли, у вас сектантское?

– Мы не сектанты, а православные, – сказал Кирьян.

– Вот те на! – искренне изумился страж порядка. – И это я слышу в советском учебном заведении! Да тут с вами другим товарищам следует поработать... И крепко поработать! Возьмем на заметочку, значит... А Арсений, кстати... – Взглянул на Кирьяна с пытливым прищуром. – Он-то чего? Тоже в церкви поклоны бьет, грехи отмаливает?

– Время ему не пришло, – сказал Кирьян. – А придет – станет.

– Ну... ладно, – после раздумчивой паузы произнес милицейский чин. – Интересный ты парень... Но коли прознаю, что... – Договорить он не успел: на пороге внезапно вырос Арсений.

Веселый, нетрезво покачивающийся, оглядел помещение бесшабашным и плутоватым взором, затем развел руки картинно, поклонился в пояс обомлевшему милицейскому собранию и, отодвинув плечом бородатого дворника-понятого, приветливо изумился:

– Вот, так и гости у нас под утро! Здравия вам желаю, граждане начальнички! Что случилось, что кто натворил? Неужели Федя с Кирюшей? Ай-яй-яй! Ну, сознавайтесь, пацаны, чего учудили? Мне прямо-таки любопытно, честное пионерское слово! А кровать моя чего перевернута? Неужто и я под чужой разбор пристроился?

Общий яростный рык милицейской своры был ему ответом. А в следующую минуту был Арсений ловко и жестко сбит с ног, уткнут лицом в пол, обыскан и закован в железо наручников. А после вздернут за шиворот натруженной умелой рукой и вынесен в коридор в топоте сапогов и в шерстяном шорохе шинельного сукна, и только с лестницы донесся его глумливый, через боль, голос:

– За что, паскуды?! Я со свиданки вернулся, я спать обязан! И ничего я не пьяный, я в жопу трезвый! В чем виновен, скажите? Где прокурор, б...?!

Серегин. XX век, Девяностые годы

Завершив эпопею с видеопиратами и с их криминальными опекунами, Серегин очутился в полосе бездеятельности и уныния. Он чувствовал себя абсолютно лишним на развалинах старой страны, где, как на разоренном муравейнике, копошились миллионы людей, пытаясь выжить по новым принципам провозглашенного капитализма, суть которого представлялась достаточно смутно. С другой стороны, существовали страны, где капитализм отстроили давно, на совесть, а потому многие тысячи бывших советских граждан, уставшие от бесконечного рытья всяческих котлованов, решили поменять муки очередного грандиозного зачинания на умеренные трудности эмиграции, ринувшись вон из разваленного государства. Толпы страждущих охватывали здания посольств, стремясь за заветными визами, пусть краткосрочными – там разберемся! – и эмиграция к концу восьмидесятых порой напоминала эвакуацию.

К паникерам, сулившим стране голод, разруху и непременное возрождение тирании, Серегин не примыкал, а вот побывать за границей и попытать там счастья ему хотелось, тем более исчезнуть из города, где его активно искали взбешенные бандиты, следовало хотя бы из соображений элементарной безопасности.

Помог школьный друг Кеша, также недавно вернувшийся из армии, ныне праздношатающийся, подрабатывающий где придется и безоглядно устремленный в страну своей мечты – Америку, которую, как и Серегин, видел лишь фрагментарно на экране телевизора – в новостных программах и в размытых копиях переписанных видеолент. Отсутствие объективной информации Кешу не смущало: страна Америка существовала в его сознании неким вожденным раем земным. Однако американские дипломаты, опомнившиеся от радостей первого наплыва симпатизирующих их стране граждан коммунистической державы, быстро сообразили, что едут к ним не гости, а нелегальные переселенцы, и вскоре получение визы для ее соискателей начало представлять процедуру муторную и обремененную многими формальностями.

Осторожный Кеша, в боязни получить отказ, начал искать «концы», гарантирующие обязательность появления в его паспорте лилово-розового чернильного штампа, представлявшего пропуск в иной мир. Поиски заняли время, но вскоре товарищи навестили некий офис, где за столом, заваленным ворохом заполненных посольских анкет, восседал тип лет сорока, целиком в изучение анкет погруженный.

Внимательно рассмотрев личности очередных клиентов, возникших на пороге, тип молвил:

– В какую же делегацию вас воткнуть? – И далее, заведя продувные зенки к потолку, молвил в раздумье: – Закупка водоочистной системы для канализации Урюпинска? Нет, не тот типаж... Эксперты по машиностроению? Возраст... Эй! – Внезапно крикнул он в сторону смежной комнаты: – Светик! Мы группу молодых художников еще не укомплектовали?

– Одно место есть! – отвечал бодрый девичий голосок.

– А два?

– Два так два!

– Заполняйте анкеты. – Тип придвинул друзьям чистые бланки. – Едете от Союза художников России. Как молодые таланты. Приглашены вместе со своими работами на выставку в Бостон. Собеседование завтра, вовремя успели. Залог – по двести долларов с носа.

– А если не пройдем? – поинтересовался Кеша.

– Значит, вернем залог, – ответил загадочный тип.

У этого парня был беспроектный бизнес.

Следующим утром в компании десятка разнополых молодых существ, одетых одинаково расхлябанно и предметом под названием «расческа» пренебрегающих, Серегин и Кеша канули

в пристройку правого крыла американского посольства, где из окошечка с бронированным стеклом, осмотрев их банду, пожилой консул в свисающих к носу очках, буркнул в микрофон:

– Мне нужны фотографии ваших работ! – и один за другим выбросил на стойку через прорезь в окошечке паспорта, отмеченные траурной печатью отказного решения.

С общим тоскливым воплем, переходящим в беспомощные причитания, претенденты вывалились из пристройки, устроив оперативное совещание на улице под неприязненными взорами охранявших посольство оборотней в погонах – гэбэшников в милицейских шкурах.

Кляли контору аферистов, скрежетали зубами от досады и жаждали возврата залога, двинувшись дружной негодующей толпой по известному адресу.

Деятель от незаконной иммиграции по-прежнему вальяжно восседал в кресле за столом, его звонкоголосая помощница стучала по клавиатуре компьютера, а рядом с аферистом на стуле смиренно сидел очередной, вероятно, соискатель заграничного счастья.

На толпу, ввалившуюся в мошенническое переселенческое заведение, его шеф отреагировал с редким равнодушием, буркнув:

– Ну, чего там у вас стряслось?

Выслушав претензии, привычно повернул голову к смежной двери, дав указание:

– Светик! Возьми фотоаппарат и дуй на выставку «Живописцы двадцатого века». Я же тебя предупреждал, что фактура понадобится! Давай быстро, этим двоечникам завтра на передачу!

Следующим утром соискатели вновь навестили посольство, предоставив ответственному лицу фотографии полотен российских мастеров, цинично охарактеризованных ими в качестве собственных работ. Творческие усердия гениев прошлого произвели на дипломата должное впечатление. Он даже вступил в договор с одним придурком, предъявившим ему по собственной инициативе изображения «Явление Христа народу» и «Иван Грозный убивает своего сына», о возможности продаже ему копий, в чем был бессовестно заверен.

В итоге, поразившись многосторонности молодых талантов, представляющих различные направления как в традиционных, так и в модернистских манерах письма, консул тут же дал согласие на отъезд всей шараги, не утрудившись дополнительными расспросами.

Воистину – великая сила искусства!

Родителям и Ане Серегин сказал, что уезжает подработать на пару месяцев, хотя не был уверен, что продержится на чужбине более двух недель. Уезжал, тяготясь отъездом, с ощущением совершаемой ошибки, но отчего-то не мог противиться своим планам, хотя, собственно, какие у него были планы? – сплошная безвестность...

А глядя в глаза Ани, которую любил и тем не менее оставлял, влекомый придуманными для себя чарующими горизонтами, пытался найти себе оправдание в том, что, дескать, непременно вернется и разлука – ненадолго...

О чем довольно искренним тоном повествовал, тяготясь доверчивостью Ани, ее угнетенностью перед расставанием с ним и – одновременно, самим собой – неверным и лживым...

Вскоре самолет уносил его и Кешу в Америку. Неутомимый романтик Кеша двинулся автостопом в Лос-Анджелес, в Голливуд, где мечтал сделать карьеру киноартиста, а Олег остался в Нью-Йорке, сняв место в ночлежке за пять долларов в день и приступив к поискам работы.

В очередной воскресный день, сидя на одной из лавочек, установленных на набережной у океана, в тревожных раздумьях о катастрофическом безденежье и невозможности обрести хоть какую-либо поденщину, он спросил проходящего мимо парня, как лучше добраться в район Куинс. Тот, подсев к нему, изложил варианты маршрутов.

Парень говорил на правильном, но каком-то деревянном русском языке и, как выяснилось из дальнейшей беседы, являлся по отцу потомком послереволюционных эмигрантов, а по матери – отпрыском первого поколения переселенцев из Англии. Причем, по нахальному

утверждению, англосаксонские корни его тянулись едва ли не к нынешнему королевскому роду. Звали его Джон. Был он добродушен, смешлив, слегка суетен, но, чувствовалось, и расторопен в принятии всякого рода решений, что продемонстрировал Олегу незамедлительно, выслушав повествование о его мыканиях в чуждальной стране.

– Вообще-то предложения с трудоустройством имеются, – сказал он. – Мне вот точно нужен напарник уже сегодня, если, конечно, ты не трус и не рохля... – Последнее словечко было явно заимствовано из словаря русской бабушки Джона, урожденной еще в девятнадцатом веке.

Однако после этой фразы в чистом океанском воздухе запахло криминалом, и Серегин привычно подобрался.

– Ну... – произнес он осторожно.

– Прогуляемся по магазинам в Манхэттене, – словно бы себе под нос, проговорил Джон. – Тряпки, одеколоны... Тебе ничего делать не придется. Следуй моим командам: «Стоп», «Повернись спиной», «Развернись боком»... Будешь прикрывать меня в секторах видимости камер и отгораживать от публики. Риска никакого. За день работы плачу сто долларов. Пятьдесят – сразу. – В руках у него неожиданно возник бумажник, а из бумажника, словно сама собой, выпорхнула зеленая манящая купюрка.

Серегин призадумался. Пойти на поводу у первого встречного мазурика? Ну, припутают его как сообщника на магазинной краже, ну, депортируют, положим... Да и к лучшему, вероятно...

– Согласен...

И они двинулись к станции подземки, мимо магазинов на Брайтон-Бич, с выставленной на продажу советской символикой: флагами, бюстами вождей, военной формой. В частности, с лотков продавались ордена и медали умерших на чужбине фронтовиков-эмигрантов и награды, завезенные сюда контрабандой. Пять долларов стоил орден Красной Звезды, двадцать – Красного Знамени. Большого успеха товар не имел.

В подземке, когда Олег привычно шагнул к турникету, новый знакомый потянул его за рукав в сторону, к служебной решетчатой двери. Растворив ее, подтолкнул Серегина к выходу на перрон, а встрепенувшемуся в будке кассиру уверенно продемонстрировал портмоне с полицейским значком, дающим право на бесплатное пользование муниципальным транспортом. Кассир, покорно кивнув, опустил обратно на стул.

– Ксива «левая», но работает токо так, – пояснил он Олегу, оперируя на сей раз лексикой, почерпнутой наверняка из общения уже с новейшей волной эмиграции. – Убери себе в карман. Если я спалюсь, будет лишняя неприятность в полиции...

– А если и меня заметут?

– Никогда! – горячо заявил Джон. – Ты ни к чему в магазине не прикасаешься и товар не выносишь. Твое незаконное задержание – это прецедент к судебному процессу. Ты сможешь обанкротить любую лавочку. Кстати, следует подумать о такой комбинации... А значок я тебе сделаю, если, конечно, ты не хочешь укреплять... – он кивнул на приближающийся поезд, – всякие разжиревшие на последних деньгах честных граждан корпорации...

В этот день Джон умудрился вынести из сияющих магазинов Манхэттена товара на две тысячи долларов. Вечером похищенное ушло перекупщику за половину цены, и Серегину был доплачен оговоренный серо-зеленый «полтинник».

В утверждении об аристократическом происхождении своего первого американского приятеля стоило усомниться, хотя многие пышные титулы во времена оные наверняка обретались путем грабежа, убийств и разбоев, однако то, что русскоязычный американец представлял собой высококвалифицированного жулика и прожженную бестию, виделось бесспорным фактом. От жизни он брал все, тем более то, что плохо лежало.

– А теперь, – убирая в карман гонорар за труды несправедливые, молвил Джон, – надо заняться твоей легализацией. Запомни две истины: в Америке нельзя прожить без документов и заработать приличные деньги честным путем. Сейчас мы едем к моей двоюродной сестре Хелен. У нее некоторые финансовые проблемы... Впрочем, у кого в Штатах их нет? И я попробую уговорить ее пристроить тебя... к ней – замуж. К тому же у нее две комнаты, и она с удовольствием потеснится...

– Но у меня же нет денег...

– Я договорюсь насчет женитьбы в кредит, – сказал Джон, сияя своим круглым довольным лицом. – И насчет проживания – тоже. Запомни еще одну истину: Америка – страна кредитов. Поскольку они – двигатель всеобщего развития. А вопрос получения кредита – вопрос убедительной аргументации. Поехали!

Через час одуревший от прошедшего дня Серегин был представлен Джоном замкнутой, мрачноватой, однако довольно миловидной шатенке Хелен, с неудовольствием оторвавшейся от компьютера, на котором работала, однако уделившей внимание гостям, соблазнившись выставленными на кухонный стол шампанским и закусками, непринужденно похищенными Джоном из супермаркета и ликерного магазинчика рядом с ее домом.

Хелен была бесстрастна, немногословна, ни малейших эмоций в общении не выказывала, а когда, после третьего бокала газированного вина Джон вкрадчиво предложил ей сделку с браком, внимательно осмотрела Серегина, вынеся краткий вердикт:

– Десять тысяч.

– Нам подходит эта цифра, – сказал Джон, многозначительно приподняв бровь. – Сразу видно, ты знаешь рынок, и тебя не проведешь...

– Но сейчас у вас этих денег нет, – спокойно продолжила Хелен.

– Ты видишь все насквозь! – восхитился Джон. – Но тогда ты видишь, и какого красавчика я к тебе привел... У него, уверен, даже носки еще пахнут прачечной.

Серегин зарделся, одновременно прикинув в уме, что тяга к чистоплотности и в самом деле родилась у него с первым криком...

– Вы точно не обманете меня с расчетом?

– Когда я кого-то обманывал? – возмутился Джон.

– Ха-ха! – сказала Хелен. – Обычно ты врешь, как телевизор.

– Ничего подобного! – убежденно мотнул головой Джон. – Да, иногда я преувеличиваю, недоговариваю, лукавлю... Порой ухожу от ответа. Фантазирую. Но чтобы врать – никогда! – Подумав, он продолжил: – С другой стороны, попробуй говорить только правду и вскоре станешь безработным отшельником, всеми отторгнутым, а то и инвалидом, лежащим в реанимации травматологии.

– Как насчет предоплаты? – последовал жесткий вопрос, и рука хозяйки недвусмысленно отставила в сторону недопитый бокал. – Я верю людям на слово, когда в залог они оставляют деньги.

– Согласен, ничто так не укрепляет веру в человека, как депозит! – Джон не глядя вытащил из бумажника пять сотен.

Серегин удивился вдвойне: и щедрости Джона, и мизерности аванса.

– Это... неплохой старт, – к повторному его удивлению, благосклонно кивнула Хелен, опять потянувшись к бокалу.

– Засим, – перешел Джон на начально изученный старославянский, – вынужден вас оставить. – После поднял беспечный взор на Хелен: – Думаю, парень поживет у тебя... Полагаю, вам надо присмотреться друг к другу...

– Триста долларов в месяц, – мгновенно отреагировала Хелен.

– И опять разумная цифра! – столь же оперативно откликнулся пройдоха. – Но этот расчет – позже. Завтра я попытаюсь устроить его к Худому Биллу. На работу. Конечно, когда

ходишь на работу, зарабатывать некогда... Но если выгорит с Биллом, отдай ему свою тачку, она все равно стоит без дела, а ему добираться без машины на западную сторону Бруклина, как грешнику на небеса...

Хелен открыла рот для ответа с меркантильной подоплекой, но Джон тут же упредил ее молниеносной скороговоркой:

– Машину он приведет в порядок бесплатно, я же устраиваю его в автосервис...

Рот Хелен беспомощно закрылся. Закрылась и дверь за Джоном.

Серегин поднял глаза на Хелен, увидев перед собой лишь пустующий стул. Невеста уже сидела за компьютером, вперившись в экран монитора и, казалось, забыла не только о своем обретенном постояльце, но и обо всем окружающем ее мире.

Серегин допил шампанское. Потер ладонью лоб. И только сейчас понял, что находится в Америке – стране сумасшедших людей, стремительного темпа столь же безумной жизни и парадоксальных коллизий. Ничего подобного в России с ним произойти бы не могло. Здесь же все случившееся казалось закономерным бытовым эпизодом.

Он преисполнился острой благодарностью к Джону и восхищению перед ним. А... вдруг эти пятьсот долларов, без торга выложенных на стол, являли собой какую-то продуманную инвестицию?

Уже к ночи, когда он стал засыпать, в его комнату явилась Хелен.

Сбросила с себя тапочки и халат. Сказала ровным голосом:

– Это бывает нечасто, но сегодня мне требуется секс. – И непринужденно отбросила в сторону укрывавшее Серегина одеяло.

Кирьян Кизьяков. XX век. Пятидесятые годы

Директор училища, орденосец, Герой войны, судя по слухам, происходил из бывших, – то ли разночинцев, то ли дворян. На публике – с учителями и с учениками – держался одинаково сухо и отчужденно. В нем определенно был стержень, закаленный многими испытаниями, и это мгновенно чувствовал каждый, невольно проникаясь к этому молчаливому и замкнутому человеку уважением. Однорукий, с подоткнутым рукавом, глубоким шрамом на виске, бритый наголо, в стареньком, но прилежно отглаженном костюме с орденской планкой, он сидел за своим столом напротив вызванных в его кабинет Федора и Кирьяна, говоря ровным терпеливым голосом:

– Ночью была ограблена почта, вскрыт сейф. Милиция подозревает в совершенном вашего товарища. Если у вас есть какие-нибудь сведения... В общем, думайте сами. Я не призываю вас к доносительству, но обязан предупредить: обстоятельства способны сложиться так, что вы можете быть признаны соучастниками...

Разговор этот, чувствовалось по всему, был директору неприятен, да и Кирьян, клявшийся в душе подлеца Арсения, удручался и пыхтел досадливо в понимании невозможности своего признания, но тут слезливо и раскаянно запричитал простодушный Федя:

– Да спали ж мы, когда Сенька в городе колобродил! Как только от моих из села возвернулись, сразу с дороги в постель – умаялись на перекладных! Где ж нам видеть его, лиходея, во снах, что ли?

Директор дернул щекой досадливо, не поднимая глаз, проронил:

– Я вас предупредил. И еще: что за разговоры о религии вы вели с милицией? У вас что, головы из чурбаков сделаны? Вы не понимаете, что теперь будет ставиться вопрос о непризнании вас в комсомол? А без партии и комсомола вы – ничто. Так что, если еще один раз услышу...

– Я просто сказал правду, – обронил Кирьян.

– Какую правду?

– Что православный...

– Так вот держи эту правду при себе! – Директор взглянул на него отчужденно, долго, но и искру сочувствия уловил Кирьян в его глазах. Или показалось? – И не вякай не к месту... дурак! Агитатор сопливый... Вон пошли, оба!

– Ох, Кирьяша, директор-то прав, – лепетал Федя, едва поспевая за другом по лестнице, ведущей в класс. – Нечего нам веру свою на вид невежам выставлять, только глумление с того будет и досада, укороти язык...

– Да понял уже... – буркнул Кирьян на ходу. – Не глухой. А вот как немой стать – буду учиться.

Вечером он отправился в магазин – купить чая, сушек и сахара. Взял мелочь сдачи, подхватил под локоть свернутый конусом блеклый бумажный пакет, растворил дверь булочной, и тут же, словно из ниоткуда, шагнул к нему из темноты серенький парень в кепочке, быстро и шепеляво поведавший:

– С кичи я, от корефана нашего общего, приветы тебе просил переслать, сказал, что крепится, хотя и не вмоготу, а коли намылят его этапом, велел тебе о маме и о сеструхе его позаботиться, сказывал, ты знаешь как... И еще: наказал, чтоб ты братве тутошней за него поклонился, навек тебе то запомнит.

Кирьян безмолвно, с отрешенным лицом, выслушивал эту съезженную в куцем пальтишке сущность с неопределенным, как перемятое тесто, лицом.

– Вот, – в руках собеседника мелькнул обрывок бумаги, тут же засунутый Кирьяну в карман, – адрес мамани он черкнул, там еще – чего ему заслать, чем подогреть...

– А сам чего не передашь? – спросил Кирьян неприветливо. – Я ему как?.. Друг или ходок бесплатный?

– Мне в том районе светиться без мазы, – последовал ответ. – Мне на паровоз через час, и чтоб подальше отсюда... Хорошо, тебя вызвать успел, не подвел пацана... Так что бывай, не кашляй.

В свете, клубами льющемся из стеклянной, обрамленной грубым лакированным деревом двери булочной, он развернул записку, прочел:

«Пришлите, мама и сестренка моя незабвенная Дарья Ивановна, папирос пачек пять, носки шерстяные и чаю – сколько можете. Любящий вас, помещенный в темницу по неправильному стуклу, сын и брат».

– Вот же шакал, – качнул головой Кирьян, направляясь к общежитию и думая, что передать записку, как ни крути, а придется. – Вот же, попутал нечистый связаться с мазуриком бесстыдным и, как репей, неотвязным...

В субботу он поехал по указанному адресу, долго искал дом на перекрестках заснеженных улиц за сугробами, завалившими палисадники и частоколы заборов.

Дом же оказался из новых, отстроенных пленными немцами, с огромной коммуналкой на десятки жильцов, с жирными запахами общей кухни, руганью и гомоном и влажно ударившим в лицо еще на входе едким щелочным паром от бесконечных постирушек. Убогая старушка, пахивающая тленом, провела его к нужной двери. Он постучал в нее согнутым пальцем, не надеясь быстрее вырваться из парникового смрада этого житейского болотца.

Но дверь внезапно открыла та, кого менее всего он ожидал встретить в этом прокисшем застое и безалаберности разнородного людского сожительства. Перед ним стояла невысокая темноволосая девушка с открытым лицом, ясными серыми глазами, в чистом, обрамленном простеньким кружевом ситцевом платье. Была она чуть широка в кости, и раскрасневшиеся кисти ее рук отмечала каждодневность маторного труда, что ничуть не смутило Кирьяна, а напротив, удовлетворенно осознал он исходящую от нее теплую волну домовитости, уверенности в себе и глубокого, врожденного здоровья – как от молока парного или налитого яблока, дождем омытого.

Он представился: так, мол, и так, сотоварищ вашего брата по учебе, вот от него записка, ознакомьтесь...

Ее глаза смотрели на него с затаенной тревогой, вполне объяснимой – ожидать что-либо хорошего от друзей непутевого братца не приходилось. Но мелькнул в ее взгляде и интерес, причем устоялся, не сгорел в следующий миг, а значит, как с облегчением понял Кирьян, был он определен ею как человек правильный, небеспутный, а главное – не как подозрительный чужак, подлежащий немедленному отторжению.

Прошел, приняв ее приглашение, в комнату, где исчерпались в выветренности и чистоте уютного помещения дух коммунальной клоаки, какофония ее быта, неотчетливыми скрипами, лязгами и глухими голосами доносившаяся извне, словно из другого пространства. Присел на стул за стол с чистой тугой скатертью, накрахмаленной до твердости.

Она отложила записку, присела напротив. Тут, глядя на ноги ее – стройные, гладкие, на прямые волосы, спадающие на щеки, подернутые легким румянцем, припухлые, но строго поджатые губы, ощутил он, как от удара под дых, озарение своего восхищения и красотой ее, казалось бы, неброской, и веявшую от нее опрятность – как внешнюю, так и душевную. И еще: необходимость ее неотъемлемого присутствия рядом теперь уже навсегда, навек...

– Мы с мамой живем вдвоем, – сказала она, отложив записку. – Отец погиб в сорок четвертом на фронте. Вот Арсений и умудрился связаться со всякой нечистью. Думали, хоть ремесленное ему ума придаст... – Она усмехнулась обреченно. – Не-ет... Уготованы ему судьбой кривые сани... Сам-то откуда? – Девушка подняла на него пытливые глаза.

Запинаясь, Кирьян поведал свою бесхитростную биографию. А затем, неожиданно и горячо преисполнившись доверия к ней, рассказал о злополучном свертке с деньгами. Подвел итог мрачным голосом:

– Сам к нему и касаться не желаю, но коли у тебя в том нужда имеется, то обскажу, где что лежит...

– Да не нужны мне никакие обсказки! – с волнением произнесла она. – Чужое добро всегда напастью обернется, как только Сенька того понять не желает, дурень окаянный! И тобою воспользовался, глазом не моргнув! Как кличут-то тебя?..

– Кирьян...

– Ну а я Даша... Чаю-то выпьешь?

– Не откажусь...

– А насчет наживы его – так поступим, – сказала она. – Пусть с ней и с совестью своей сам разбирается, и так покрываем его, будто подельники. И на просьбы его более не ведись, будто баран на закланье. – Голос ее звучал твердо, упрямо, но словно благодатью веяло на Кирьяна от ее сопереживания в обращении к нему, как к не постороннему ей, а теперь и поверенному.

– Вот что, – осмелился он повернуться к ней в дверях при прощании. – Завтра это... Кино у нас рядом с ремесленным... Может, того...

– Не до кино мне, – отмахнулась она. – Сегодня и завтра зубрежка – на медсестру учусь... А в ночь – смена: санитаркой я в больнице...

– А... когда? – глупо вырвалось у него.

Она рассмеялась: лукаво, в крепко стиснутый кулачок. Затем трянула снисходительно головой:

– В следующую субботу заходи. А там – поглядим...

Ополоумевший от счастья, не помня себя, Кирьян брел к остановке автобуса, только и вспоминая каждый ее жест, голос, улыбку, глаза...

О чувстве, овладевшем им всеохватно и окрыляюще, он, конечно же, читал и слышал, но какими словами можно было описать то тепло и блаженство, захлестнувшие его душу, певшую натянутой радостной струной? И зимнее солнечное небо словно радовалось за него, разбрасывая под спешащими ногами россыпи смеющихся озорных бликов.

За две остановки до училища он вышел, остановился на тротуаре, приводя в порядок взъерошенные мысли, а затем решительно пошел к пивной, располагавшейся в полуподвале на углу. И, затворив за собой ее дверь, оказался в ином мире, на иной планете – с кислой дымной атмосферой, запахами вяленой подтухшей рыбешки, гнилого похмельного пота, тонкими резкими пластами свежих водочных паров, в умиротворенном неясном гомоне мужских голосов, смешков, звяканья граненых кружек и шипящего кипения пивной пены.

Нужного человека он усмотрел сразу: субъект лет тридцати пяти, сидевший в углу в компании двух понурых детин с землистыми физиономиями. Шелковая рубаша с распахнутым воротом, золотая «фикса» на резце, челочка, два татуированных перстня на хватких пальцах, едкий и снисходительный взор из-под набрякших век...

Кирьян молча подмигнул ему, и тот, поняливо кивнув, встал, неторопливо подошел, проронил, приблизившись:

– Проблемы, студент?

Полушепотом вкратце Кирьян поведал ему об Арсении. Речь закончил так:

– В долг с такой просьбой залезать не хочу, но коли есть возможность подсобить...

– Вопрос один: а чего ты за него мазу держишь? – проронил урка угрюмо.

– Все же товарищ...

– О, как? – Тот вскинул на него удивленные глаза. – Эт хорошо, если о кореше без личного интереса печешься... Ну, подсобим, думаю... Только если расчет потребуется, с него спросим...

– Мои хлопоты, его оплата, – ответил Кирьян, не без брезгливости уяснив скользкую логику собеседника.

– Грамотно отбоярился, – хмыкнул тот. – Ну, пошли, давай по пивку, смочим беседу, положено...

– Да я ж... – Кирьян, ни разу не державший во рту алкоголь, пугливо поежился.

– Не менжуйся, братан, угощаю! – Блатняга плавно потянул его за рукав.

Пришлось подчиниться.

– Свой! – сообщил он хмурым товарищам, усаживая Кирьяна бок о бок за столом, и те одинаково и невыразительно кивнули, поглощенные обглаживанием костистых рыбных тушек.

Кирьян исподлобья оглядел их: тусклые глаза, остатки гнилых зубов, поседелая щетина на впалых щеках, бесчисленные шрамы, белеющие на сизых губах... Как страшно стать подобным отребьем! Ему заполошно возжелалось вырваться отсюда, вернуться в праведную убогость общаги, в ее казенную чистоту, под гулкие коридорные своды, увидеть милое простодушное лицо Федора, уткнуться в книжку, вторым планом размышляя о Даше, светлое чувство к которой снова вспыхнуло в его сердце... Но уже ткнулась в губы отпахивающая горьковатой воблой кружка, ощутился на нёбе резкий неведомый вкус напитка, показавшегося чужеродным, грубым, но одновременно и внезапно чарующе и незнакомо вкусным...

Горлышко водочной бутылки скользнуло по краю отставленной в сторону кружки, выплеснув в пивную пузырящуюся муть тягучую морозную жидкость.

– Да я ж...

– Не очкуй, пацан! А теперь потяни «косячок», слови кайфец! – Вор затянулся папиросой, выпустив под потолок клуб сизой пелены, которому позавидовала бы дымовая граната, и ткнул влажный мундштук в губы подростка.

На Кирьяна внезапно опустилось радужное облако забвения и опустошенности. Он уплывал куда-то далеко, словно подхваченный мощным течением, и лишь спасительный образ Даши мелькнул в сознании далеким размытым пятном, но тут под темя ударил отрезвляющий страх, освободивший истаивающую волю, и бессвязные мысли выстроились в непримиримое решение немедленного ухода из этого гибельного вертепа.

Но что такое? Над ним косо нависал потолок, сужались и раздвигались стены, людская толкотня превращалась в перетекающую бесформенную кашу, а лица компаньонов виделись отчетливо и пугающе улыбающимися свиными рылами, довольно похрюкивающими... И окружающий мир то неуклонно темнел, то озарялся какими-то бессмысленными вспышками, высветлявшими суету то ли уродливых теней, то ли съезженных людских силуэтов... Единственным выделявшимся в этой фантасмагории персонажем был тянущийся через стол к бутылке военный моряк с дурацким кортиком на желтых подтяжках, бьющим его по откляченной заднице. Моряк-то откуда здесь взялся?

И вдруг в мешанине бредового угара высоко, отчетливо и с каким-то визгливым ужасом прозвучал голос завлекшего его в этот ад урки:

– Что же мне теперь с ним делать, а?! Чтобы с «ерша» так повело, это ж надо! Что же делать?! Меня ж порвут за этот детсад!

Очнулся Кирьян на своей койке в общежитии. И первое, что увидел перед собой – бледное, озабоченное лицо Федора. А потом пришла невыносимая боль, ударив в голову расплавленным чугуном, ломота в теле и неудержимый приступ рвоты. Единственным чувством, пробудившимся в нем, было чувство вялого удивления, когда перед ним возник тазик, поднесенный заботливо, вовремя и умело, и он, выворотив из себя какую-то тухлую кислую гадость, откинулся на подушку, покрываясь крупным холодным потом и впадая в забвение – страшное, как предчувствие смерти, но необходимое и освобождающее от страдания.

Следующим утром – исхудалый и бледный, он едва поднялся с постели. Увидел Федора, понурившись сидевшего поодаль на табурете, и прошептал:

– Спасибо тебе...

– Эх ты...

– А знаешь, – сказал Кирьян, не вдумываясь в то, что говорит, но убежденный в правоте и серьезности всего им произносимого, – нет худа без добра, права народная присказка... Я, Федя, тебе обещаю: больше к спиртному не прикоснусь. И к табаку этому поганому... В общаге-то меня кто видел, красавца такого?

Тот качнул головой:

– Не, те дядьки тебя сюда ловко приволокли... Только зря ты с такой нелюдью водишься...

Что ответить, Кирьян не нашелся, лишь вздохнул тяжело.

А через три дня в общежитии, к всеобщему изумлению, появился Арсений. Помятый, исхудалый, дерганный, с нервным блеском во впавших глазах, но, как всегда, напористый и неунывающий.

После разговора с директором поднялся в комнату, сердечно улыбаясь Кирьяну и Федору, поведаль хвастливо:

– Хрен они меня раскололи, сволочи вьедливые, кровососы настырные! Не дался, несмотря на весь их садизм! – Он бесстыдно стянул с себя штаны с трусами и вывернулся всем корпусом, задрал рубаху и демонстрируя синие звезды от милицеских пряжек на ягодицах и отошавших ляжках. – Во, чего творили, фашисты! И противогазом мучили, чуть копыта не откинул... А тебе, – обернулся он к Кирьяну, – благодарность моя бесконечная, друг ты настоящий, не фуфель из очка жидкого... На та-аких людей меня вывел, на та-аких! Теперь мне ничего не страшно в житухе этой!

Кирьян сподобился лишь на снисходительный вздох. Запредельная глупость Арсения, першая из него, как перезревшее тесто, была столь убежденной и выпсренной, что укоротить ее могли не благие слова, а только жизнь. И, увы, как понимал Кирьян, по ковровой дорожке этой глупости тот в свою дурную жизнь и покатится... И веяло от этого непреклонностью судьбы и рока...

– Слышь, – доверительно наклонился к нему Арсений, – обкашлять нам с тобой одну закавыку надо...

– В порядке твоя закавыка...

– Ну, так я и не сомневался... – И, отойдя к окну, засунув руки в карманы, сначала взглядевшись мечтательно в белесое небо, а после вновь обернувшись к Кирьяну, прибавил насмешливо и с одобрением:

– А сеструха моя того... Врезалась в тебя. Правильный ты, говорит... В пример ставила. Ждет вроде... А тебе она как?

Кирьян отвел взгляд в сторону. Что ответить, не знал.

– Эх ты, пень! – укоризненно воскликнул Арсений, оседлав подоконник. – Развивай обороты! Дело горячее! Глядишь, сродственниками станем... Только... – перекинул рот сурово, – чтоб без ерунды всякой. Казню – без жалости. Честь по чести, чтоб...

– Тьфу ты, – фыркнул Федор смешливо.

– Чего?! – возмутился Арсений.

– Праведник с мешком грехов на горбу, – отозвался тот. – Если что-то и есть в твоей голове, так это – хвастливый язык!

– Что же, я не против критики... – нахмурился Арсений. – Но хорош, а?! Мне и без вас от сеструхи перепадает! Директор еще...

– Коли она тебя невзлюбила, значит, знает толк в людях, – заметил Кирьян.

– Ну... это да, – почесав лоб, легко согласился вернувшийся на свободу негодай, шмыгнув носом.

Гангстеры Нью-Йорка

Худой Билл – владелец небольшого автосервиса, куда Серегин устроился на работу в качестве подсобного рабочего, никоим образом не производил впечатления опасного парня, каким его обозначил Джон. Напротив, он выглядел флегматичным скромнягой: корректный, деликатный, даже застенчивый, рассеянно и спокойно оглядывающий пространство окружающего его мира. Серегин, до сей поры сталкивавшийся лишь с российскими бандитами – существами наглыми, открыто источающими угрозу и презрение к окружающим, никак не мог соотносить устоявшиеся в его сознании стереотипы с личностью своего нового шефа. Билл, конечно, грешил махинациями со страховками, угонами и даже кражами фур с товаром, но то были преступления мирного характера, не связанные ни с насилием, ни с кровью. Вскоре, впрочем, Серегин убедился, что, в отличие от всякого рода криминального сброда, выставляющего напоказ свою уголовную суть, тихоня Худой Билл являет собой преступника, куда более изощренного, расчетливого и бестрепетного, нежели целая шайка грабителей и убийц.

Он был невысокого роста, худощав, лицо его отличалось невыразительностью и бесстрастностью, а в движениях и в словах сквозили апатия и лень. Пока не доходило до дела! Тут Билл превращался в пружину, в атакующую гюрзу, и уследить за тем, как он наносит стремительный удар или как в руках его внезапно появляется нож или пистолет, не мог бы и глаз знатока. Серегину довелось быть свидетелем ограбления его автосервиса, когда банда из трех обкуранных негров с револьверами ворвалась в помещение, потребовав наличные из кассы. Билл, сидевший за столом в офисе, казалось, изначально был готов к такого рода ситуации: не раздумывая ни мгновения, не дрогнув ни одной чертой лица, он тут же принял решение. Его рука метнулась под газету, где лежало оружие, со скоростью, которую невозможно понять и измерить, так быстро, что и сам он наверняка не осознал происходящее. Он словно материализовал в своей ладони увесистый пластиковый «глок», будто отлитый из тугой резины. Это случилось стремительнее хода осознанного мышления, и теперь он и бандиты напротив превратились в существ, подчиненных инстинкту и опыту, и победа должна была достаться тому, у кого лучший инстинкт и больше опыта. Решающим фактором было расстояние: в непосредственной близости мастерство не играет никакой роли, но в десяти шагах важно не то, кто стреляет быстро, а то, кто стреляет и быстро, и метко.

В следующий миг Билл, как показалось Серегину, слил вопреки всем рациональным законам физики и возможностям оружия три выстрела в один. Грабители, как по команде, словно захлебнувшись своими угрожающими выкриками, рухнули на кафельный пол. Все было кончено меньше чем за две секунды. Как выяснилось позже, каждая пуля безупречно нашла подходящий ей лоб.

Это была демонстрация воистину древнейшей профессии в мире – убивать того, кто хочет убить тебя.

Билл же, невозмутимо положив горячий «глок» на стол, обратился к одному из механиков – доминиканцу-нелегалу, бледно-пепельному от пережитого страха: дескать, чеши-ка, парень, домой, ибо, когда нагрянет полиция для опроса свидетелей, я могу пострадать за твое незаконное трудоустройство. При этом от проема входной двери в сервис, в котором могли возникнуть сообщники убитых, стылого змеиного взора он не отрывал, и лежащий перед ним пистолет, как уяснил Серегин, в любой миг был готов запрыгнуть в его бестрепетную кисть руки. Кстати, маленькую, аккуратную, едва ли не девичью, с тщательно ухоженными ногтями. Однако при первом знакомстве с Серегиным рукопожатие Билла оказалось гораздо более крепким, чем можно было ожидать. В нем, судя по всему, вообще таилась масса сюрпризов.

На вопрос Олега о моральных муках, связанных с убийством трех человек, пусть и не представляющих из себя достойного примера, Худой Билл, подумав, ответил так:

– Еще в детстве я понял, что есть люди, которые появляются на свет, чтобы убивать всякую мразь из огнестрельного оружия. Они могут быть тоже плохими парнями, но они видят черту между плохим и неприемлемо плохим. И обладают внутренней твердостью, чтобы отнимать человеческую жизнь куском свинца, не испытывая по этому поводу никаких переживаний. В свое время была такая особая порода служителей закона. Мне кажется, ее больше не осталось. А я бы стал таким, если бы судьба не вывела меня на иной путь. С другой стороны, убийство теперь не причисляют к работе для настоящих мужчин. Этому занятию придали какую-то нездоровую окраску, и человек, победивший в честной перестрелке, воспитан так, что испытывает угрызения совести и отправляется лечиться в больницу. И это быстренько приводит такого убийцу в сумасшедший дом, на пенсию или в могилу. Он становится врагом себе, с которым ему ни за что не справиться.

Из дальнейшего общения с новым шефом Серегин уяснил, что тот, как и великое множество американцев, не знает, вращается ли Земля вокруг Солнца или же Солнце вокруг Земли, как выглядит таблица умножения и президент США. Однако угнать за считанные секунды любую машину, хладнокровно застрелить противника и заработать доллары из воздуха этот субъект умел без излишних раздумий.

Узнав, что местом прошлого проживания Серегина была Москва, Билл, поразмыслив, задал ему следующий вопрос:

– А сколько займет времени доехать туда на машине?

Из всех занятий на свете Худой Билл интересовался разве рыбалкой и, вероятно, поэтому обитал в Бруклине рядом с океаном, непременно проплывая полмили каждое утро даже зимой и в шторма. Будучи большим экономом и спартанцем, квартиру он не снимал, а проживал в подвале под старым домом, примыкающем к набережной, тянущейся вдоль побережья.

Подвал был огромен, в дебрях его высились бетонные колонны, уходящие в фундамент, пол застилали многочисленные грязные ковры, отобранные на дворовой помойке, а старинным буфетам, столикам, креслам и прочей рухляди, также перенесенной в подземные хоромы из внутреннего дворика, куда жильцы сваливали крупногабаритные бытовые неликвиды, терялось число. За пребывание в своем логове Билл расплачивался с супером – смотрителем дома, мелкими услугами по ремонту его автомобиля. Жениться в ближайшее время Билл не намеревался, полагая, что супружество – мероприятие неоправданно расходное, а, кроме того, обретая женщину своей мечты, с остальными мечтами можно распрощаться. Кроме того, любовь он воспринимал как торжество воображения над интеллектом. В качестве подруг Билл то и дело заселял в подвал залетных нелегалок из стран дальнего и ближнего зарубежья, выделяя им временный кров в обмен на бесплатный секс. Вознаграждение дам за плотские утехы он полагал столь же несуразным, как приобретение за деньги лицензии «Windows».

Когда Билл узнал, что у нового механика из России существуют проблемы с местом постоянного проживания, то сразу же предложил ему поселиться в своем подzemелье всего лишь за сто долларов в месяц – сумму чепуховую. Олегу был отведен свой угол со шкафом и с диваном, и вменена обязанность пылесосить замусоленные ковры и протирать подвальные окна, выходящие в кирпичные ниши, примыкающие к тротуару.

С равнодушной ко всему Хелен, прилипшей к своему компьютеру, Олег расстался без сожалений, услышав на прощание:

– Я позвоню, когда появится настроение... И не забудь, завтра у нас регистрация. С тебя – тысяча зеленых.

У Билла Серегин прожил две недели, более не смог. Он ощущал себя запертым в огромной могиле, круглосуточно залитой люминесцентным светом и наполненной шорохом крыс, снующих в простенках старого дома. Посему недолго держались возле благодетеля Билла и бездомные дамы, спешно пускающиеся на розыски жилья, в окна которого заглядывало бы солнце и струила бы свой свет луна.

Олег съехал к Джону, благо тот подыскал очередную квартиру, платить за которую вдвоем было куда сподручнее, нежели в одиночку. И, присев у окна, вздохнул с обморочным облегчением, глядя на кроны полувековых деревьев джошуа, крыши автомобилей, высокое нью-йоркское небо и поражаясь стальному характеру Худого Билла, чьей выдержки хватило бы на бригаду потомственных шахтеров.

Место же Серегина в каземате занял папа Худого Билла, приехавший к сыну из Техаса, где его усердно разыскивали местные правоохранительные органы. Папа Билла – ветеран американских тюрем, прибыл в Нью-Йорк на машине с фальшивыми номерами, в чем багажнике обретались два тюка марихуаны, похищенные им неведомым образом с полицейского склада вещей.

Лицо папы украшали бесчисленные шрамы и короткая седая бородка; его дубленая кожа никогда не потела, кулачищи напоминали окорока, а глаза – бритвы. На голове его красовалась широкополая шляпа, на ногах – ковбойские сапоги из змеиной кожи, расшитые узорами шелковой нити, а клетчатая рубаша и замшевая жилетка придавали его облику несомненную импозантность исконного жителя Дикого Запада.

Утром папа уезжал с пакетом марихуаны в глубины Бруклина, где, без труда наладив необходимые контакты, сбывал свои травяные сборы перекупщикам-неграм со слезящимися глазами, рослым охранникам стрип-клубов и проституткам неясного расового происхождения с набережной возле аттракционов Кони-Айленд. Не брезговал товарцем и сам: с его появлением в обиталище Худого Билла, несмотря на открытые подвальные форточки, прочно установился брутальный дух запретного курева. Худой Билл, ведущий здоровый образ жизни, крыл родителя почем зря, но к сыновним упрекам тот был безучастен, а выпив ежедневную бутылку виски, становился агрессивен как бык, огрызался матерными отповедями, и то и дело хватался за пистолет. Вразумить родителя было делом пустым, и отчаявшийся Билл предоставил его будущее на усмотрение случая и судьбы.

В очередной раз сотоварищи собрались в бетонном чреве автосервиса, где за конторкой, отделенной от ремонтной зоны запыленными пластиковыми жалюзи, восседал хозяин частного учреждения, перебирая ворохи бумаг и то и дело отвечая на звонки по телефону, висевшему на стене. Телефон «Белл», изготовленный еще до Великой депрессии, снабженный дисковым набором номера и рычагами для трубки, чей треснутый корпус был перевязан изоляцией, тем не менее работал исправно и менять его консерватор Билл принципиально не собирался. К тому же такой не украдут, справедливо размышлял он.

Запахавшийся Джон прибыл в автосервис с деловым разговором: некто Риччи Фаринелли, один из его знакомцев, входящий в круги итальянской мафии, в хлам разбил свой новенький «бентли» и теперь предлагал аферу: угнать аналогичную машину, придать ей прежний номер кузова, а старую разобрать на запчасти в гараже Билла.

– Он получил страховку, – говорил Джон, отхлебывая кофе из пластикового стаканчика и одновременно перекачивая за щекой жвачку. – Теперь отдает нам битый «бентли» в подарок вкупе с двумя тысячами за угон нового и за переделку номеров и – катается себе... После у него, естественно, угонят и этот, он получит новую страховку...

– Это понятно, – лениво отвечал Билл, поглядывая в экран производственного компьютера, – но мне дышат в затылок копы по таким же делам, и я объявил себе месячник праведной жизни. К тому же у меня на шее висит чертов папа со своими фокусами, весь дом скоро провоняет коноплей, и я каждый день жду обыска. Вы же предлагаете мне в такой обстановке рисковать лишним раз своим добрым именем... Впрочем, я согласен разобраться с номерами, это ремесленная работа, но с угоном придется потрудиться самим. Я дам вам инструмент и компьютер. Дело займет считанные минуты. Машину поставите в запасной гараж в Куинсе. У Фаринелли дорогая модель, но выпасти подобную – не проблема. Я знаю один сер-

вис в Бруклине, там вы заметите нужную тачку как пить дать. Моя доля – битый металлолом и пятьсот монет. Остальное – ваше.

Джон раскрыл рот с намерением удариться в торги, но тут же на лицо Билла легла свинцовая тень отчуждения, а взор приобрел столь непоколебимое выражение, что у мошенника сразу же пропала охота пускаться в споры.

Необходимая машина нашлась в тот же день, однако, несмотря на все попытки считать электронные коды, отключающие сигнализацию, покорить роскошное авто, чью подномерную табличку украшала надпись: «Все люди – братья», у угонщиков не получилось. Машина была неприступна и нема, как отвесная скала. Пришлось вновь обращаться к Худому Биллу.

Заглянув в его просторный склеп, Олег и Джон застали приятеля за занятием достаточно экстравагантным: Билл неторопливо надувал с помощью небольшого ножного насоса резиновую куклу, лежавшую на полу. Кукла являла собой обнаженную голубоглазую блондинку, чьи формы с каждым терпеливым вздохом насоса обретали завораживающую округлость и законченность.

Худой Билл лишь мельком оглянулся на вошедших приятелей, чьи лица расплылись в снисходительных улыбках.

– Все девки куда-то слиняли, – ничуть не смущаясь, пояснил он самым обыденным тоном. – Их пугает папаша. А физиологию никуда не деть, как ни крути. Эта баба обошлась мне в шестьсот монет. Но, думаю, дело того стоит. В крайнем случае товар подлежит возврату. Но что мне нравится в блондинках, – кивнул он на куклу, – так это грудь!

– Ее-то и подкачай, – посоветовал Джон. – И руки, по-моему, какие-то обвисшие...

– Ты думаешь? – деловито покосился на него Худой Билл. – А мне кажется, в самый раз...

– Ну-ка, дай-ка... – Джон опустил тяжелую ступню на «лягушку» насоса.

– Не переусердствуй...

– Я знаю, что делаю... Еще пару-тройку качков – и дамочка будет в самом соку... Видишь, у нее еще ямки на щеках и складка на животе...

Последовал новый вздох насоса. И тут сознание троицы ошеломил внезапный тугой взрыв. Резиновое туловище, свистя образовавшейся в нем прорехой, оторвалось от шланга насоса, взмыло к потолку, крутнулось каким-то ведьминским пируэтом вокруг стен и вылетело в раскрытое подвальное оконце на улицу, откуда в сей же миг донесся истошный женский вопль.

– Все люди – божьи твари, но ты самая редкая, Джон, – мрачно обронил Билл, устремляясь к выходу. – Если тебе дать пароход, высохнет море.

Вернувшись, он с омерзением бросил резиновый ком в угол, брезгливо поморщившись от стука об стену пластиковой головы с мелированной шевелюрой.

– Ну, – спросил он неприязненно, – какой еще сюрприз вы заготовили на день сегодняшней?

Олег подробно поведал ему о неудаче с «бентли».

– Видимо, там какая-то серьезная охранная система, из новых, – выслушав его, кивнул Худой Билл. – Ищите другой вариант. И побыстрее, я уже перепродал битое железо. А Фаринелли проволочек не потерпят.

– Таких тачек в Нью-Йорке – на счет, – возразил Джон. – Ты должен включиться в дело, мы явно не тянем...

– Ладно, – пораздумав, решился Билл. – Но вам это будет стоить треть гонорара. Это плата за повышенный риск, вы ставите под угрозу мой бизнес. Хотите гарантий – придется за них заплатить. Или обращайтесь куда-нибудь в другое место, к человеку, который сдерет с вас втридорога.

– Ну, ты ведь уже наварился!.. – возмущенно ворочая челюстью, проговорил Джон. – Хапуга!

– Я деловой человек. Вам была поручена работа, и вы с ней не справились. Давайте, черт вас дери, раскошеливайтесь – или проваливайте. Я сыт разговорами.

– Расчет после угона, – произнес Олег.

– Так и быть. Где машина?

– На Манхэттен-Бич, район тихий, сплошные особняки и толстосумы...

– И тьма патрульной охраны, – зло откликнулся Билл. – Выпасти хозяина надо в городе. Это ваше дело. Мне нужны стоянка и его отсутствие в течение десяти минут. Ладно, проваливайте. И заходите еще, без вас потом так хорошо...

На следующий день владелец «бентли» – молодой человек с аккуратной прической, в великолепно пошитом костюме, бросив на заднее сиденье портфель из крокодиловой кожи, направился в деловой центр города, где оставил автомобиль на дорогущем подземном паркинге, пройдя затем к парадному подъезду офисного здания.

Через полчаса на паркинге появился Худой Билл – в куртке с капюшоном, с приклеенной к физиономии бородкой, в темных очках; с саквояжем необходимого инструментария.

Серегин вел наблюдение за выходом из здания, где скрылся хозяин «бентли», а Джон между тем нарезал круги в машине наружного наблюдения, ожидая указаний от высокопрофессионального сообщника, орудующего в гулких сумерках подвальной стоянки.

Когда молодой человек вновь появился в дверях здания, Серегин включил рацию, предупредив Билла об опасности появления хозяина машины и поинтересовавшись, как движется дело.

– Все сложно, – сообщил ему бесстрастный голос. – Но задачу я выполню, оставайтесь на местах.

Спустя пять минут уже Худой Билл вызвал на связь Олега, сказав:

– Прыгай в тачку к Джону, недоучка. Я все сделал. Встретимся в Бруклине. Еду в отстойник.

Вечерняя встреча подельников в конторке автосервиса открыла для Джона и Олега секрет того, как было обстригано дельце.

Попивая из горлышка бутылки холодное пиво и мельком поглядывая на экран телевизора, притороченного к стенке, Худой Билл небрежным тоном выговаривал:

– Там действительно оказалась затейливая сигнализация, но я бы ее приручил, будь у нас время... Посему пришлось решать проблему радикально, чтобы не уронить репутации в глазах клиента. Гоните монеты – и уже завтра можете передать автомобиль заказчику.

– Насколько радикально? – осторожно поинтересовался Джон.

– Пришлось дать парню в череп и отобрать ключи, – сообщил Худой Билл равнодушно.

– Он жив? – спросил Серегин.

– Конечно, – пожал плечами Худой Билл. – Я христианин и никогда не лишу жизни человека за какое-то корыто на колесах. Но некоторое лечение, увы, ему предстоит.

Только тут Олег узрел стоящий в уголке конторы знакомый портфель из лакированной крокодиловой кожи. Перехватив его взгляд, Худой Билл мельком пояснил:

– Небольшой бонус. – Затем, пожевав губами, добавил: – Красивая вещица. Если желаешь – продам за пятьдесят монет, за бесценнок... – И тут же отмахнулся: – Нет, это надо предлагать приличным людям, вы, босяки, обойдетесь и пластиковыми пакетами.

Через два дня, когда Серегин, менявший масло в очередном автомобиле, поднятом к потолку на подъемнике, предвкушал обеденный поход в ближайшую китайскую закусочную, где его ожидала тарелка гречневой лапши с говядиной в кисло-сладком соусе, в автосервис пожаловал Джон с перекошенным от страха лицом. Спросил:

– Где этот чертов Билл, эта скотина?

Олег кивнул на конторку.

– Пошли! – потянул его за собой Джон. – Речь пойдет не о погоде... И еще: времени у нас нет!

Далее, когда компания собралась в полном своем составе, Джон, то и дело хватаясь за горло, через одышку, вызванную крайним волнением, поведал следующее: угнанный «бентли», переданный вчера Фаринелли, оказался собственностью его двоюродного брата, который лежит с черепно-мозговой травмой в одном из госпиталей и за чью жизнь борются врачи. Эту новость Джону сообщил один из его приятелей, связанных с итальянцами. Побросав в машину скарб Серегина и свои личные вещи, Джон незамедлительно покинул квартиру, куда спустя час явилась целая банда молодчиков с намерениями бесповоротно и абсолютно агрессивными. И теперь, судя по всему, появление этой банды в здешних стенах – вопрос быстро истекающего времени.

Худой Билл, задумчиво покачивающийся на стуле, передернув безразлично плечами, мерно произнес:

– Нам заказывали машину, а как ее раздобыть – не обсуждалось в принципе. Но это, конечно, слабая отговорка в сегодняшних обстоятельствах. Мы не те персонажи, чтобы тягаться в дискуссиях с мафией. Я дам вам адресок, пересидите там первое время...

– Не могу поверить, что ты, кто всему виной, подставив под топор наши головы, теперь спокойно рассуждаешь о наших же судьбах! – воскликнул Джон, возведя глаза к потолку. – Не сомневаюсь: у тебя где-то на теле наверняка есть клеймо с числом дьявола!

– Твое психическое состояние требует профессиональной оценки, – спокойно ответил Худой Билл. – Хотя нервная система у тебя в отличном состоянии – заводится с полоборота. Но в своей истерике ты извращаешь события. Лично я только перебил номера. И еще подсобил вам, неумехам. Что можно мне предъявить за добросовестную работу?

– Воистину, чтобы испортить отношения, достаточно их выяснить, – вздохнул Серегин, саркастически взиравший на пикировку партнеров.

– Но ведь крайними оказываемся мы, не он! – возопил Джон, призывая Олега в свидетели своего негодования, однако Билл столь же ровно и бесстрастно продолжил:

– Вам так необходимо приплюсовать меня к своей компании? Отлично! Тогда вместо двух голов полетят три. Но только будет ли с этого толк? Куда вы подадитесь сейчас, кто поможет вам завтра? – Он посмотрел на часы. – Да, нам следует поторопиться. У Фаринелли неплохо обстоят дела с информацией. И если его гориллы заявятся ко мне домой, беды не миновать. Там мой сумасшедший папа, способный открыть пальбу по любому поводу. А коли туда нагрянет полиция, ее ожидают интересные находки: мешок с травой и пять стволов с темными биографиями. Наш план такой: едем ко мне, забираем предметы нетрадиционного применения, и я перевожу вас на квартиру в Бронкс.

– А как же ты? – спросил Серегин.

– У меня – отношения с серьезными ирландскими ребятами, моими дальними родственниками, – уверенно ответил Худой Билл. – Они многим мне обязаны и сумеют постоять за товарища и за родную кровь.

Пока Худой Билл собирал имущество, трясшийся от страха на переднем сиденье машины Джон выговаривал Серегину:

– Нам надо литься в Майами. Там у меня есть один тип, его зовут Слепой Доминик, он сделает нам новые документы. Всего за двадцать тысяч.

– Но где их взять, эти тыщи? – вздыхал Олег.

– Имеется хорошее дело... Один русский парень работает на грузовике. Он возит сигареты со склада в Вирджинии. Он готов вступить в пай: мы инсценируем ограбление, а сигареты я сдам за шестьдесят тысяч уже через час. Его же долю мне отдадут вперед крутые латиносы.

Серегин тяжело вздохнул. Как ему все надоело! Куда он попал? В какую-то окаянную тьму вместо света, к которому стремился. И как вылезти из этой ямы, куда податься? Переехать в

другой город и начать все с нуля? Снова влачить существование и мыкаться по углам? Как же войти в благонравную, одухотворенную каким-либо смыслом жизнь? Или Бог посылает ему эти испытания, не давая сойти с кривых и опасных стезей?

– Жизнь не дает нам покоя, – откликнулся на его мысли вернувшийся за руль Худой Билл. – Умер папа.

– Как?! – подпрыгнул на сиденье Джон. – Его уже убили?

– Нет, – покачал головой Билл. – Я нашел его сидящим на унитазах. Смерть застала старика в неподходящий момент.

– Ну... отвези нас в свое запасное логово и вызывай полицию...

– Меня затаскают по катажалкам, – ответил Худой Билл, задумчиво почесывая горло. – После предстоят похороны. Папа оставил кое-какие деньжата, но хватит ли их на гроб, печь и венки? Не уверен также, что его похоронят по социальной карте.

– Тогда тело надо вывезти в лес, – встрял Джон. – Я знаю одно местечко... Лужайка, старые сосны... Там очень уютно и сухо. Покойник не будет на нас в обиду. Мы будем приезжать на барбекю и навещать его.

– А может, похороним папу под мостом Веррезано-Бридж? – внезапным мечтательным тоном произнес Худой Билл. – Его всегда восхищал открывающийся с него простор.

– Но потребуется какая-нибудь посудина... – сказал Джон.

– У меня есть водный мотоцикл, – кивнул ему Билл. – Ваше дело – подсобить мне уместить на него папу за моей спиной. А сейчас пристегнем его ремнем на заднем сиденье.

– Это еще зачем? – взвился Серегин, не желавший ехать бок о бок с трупом.

– При этом обязательно надо надеть на него шляпу, – словно не слушая его, продолжил Худой Билл. – У него будет вид уснувшего человека. А когда папа зачоченеет, он будет прямо и ровно сидеть на мотоцикле.

Джон и Серегин растерянно переглянулись. Подобная находчивость товарища привела их в ошарашенное онемение. Однако таковое предложение послужило руководством к действию, и вскоре Худой Билл уверенно вырулил на трассу, держа путь к мрачным обиталищам Южного Бронкса, кишачего шпаной и наркоманами. Где-где, но уж там – увозимые из подвала стволы могли сослужить белым джентльменам из Бруклина полезную и необходимую службу в защите своей чести и достоинства.

Путешествие с составлявшим троице компанию покойником та находила уже явлением житейским и отчасти забавным; Серегин то и дело заботливо и уважительно поправлял съезжающие к кончику носа уснувшего гангстера женские пляжные очки вычурного дизайнера с зеркальными линзами.

Очутившись в затхлой трущобе на задворках города, Олег преисполнился мрачной тоски. Вокруг теснились закопченные кирпичные дома – грязно-желтые и буро-красные, большей частью заброшенные, с выбитыми стеклами окон; на пустырях покоились обгорелые кузова машин без колес, по тротуарам со щербатым асфальтом, выстеленным обрывками газет и мусора, бродили одинокие старые негры, передвигающиеся так медленно, будто заметили поджидающую их в конце квартала смерть.

В доме напротив гремела музыка – там располагался местный бар и бордель. То и дело из его окон выглядывали женщины – одновременно соблазнительные и враждебные. Махали ладошками приветственно и с намеком угрюмо взирающему на них Серегину. Впрочем, и в глазах напротив не было теплоты, только расчет. Там продавались дамские часики. Часик стоил порядка ста долларов.

«Поздравь себя, милый друг, – думал он. – Твоя американская мечта идиота сбылась!»

В Бронксе, впрочем, друзья не задержались, вскоре выехав в соседний штат Нью-Джерси на дело.

Оставив машину возле стеклянной громады торгового комплекса, прошли в его недра, где пообедали в одной из забегаловок, после чего позвонили из таксофона Худому Биллу. Товарищ сообщил, что неполный час назад он вернулся со встречи с жаждающими крови итальянцами, чьи косвенные обвинения в свой адрес сумел опровергнуть с помощью сопровождавших его бандитов-ирландцев. Что же касается Олега и Джона, дела их печальны и в Нью-Йорк им лучше нос не совать. Обращаться в полицию мафия, конечно, не станет, но свои сети раскинет по всей стране, и, открой кто-либо из них счет в банке или обзаведись постоянным адресом, будет обнаружен мгновенно, со всеми скорбными последствиями такого обнаружения. Уныния от таких новостей ни Джон, ни Серегин в себе не обнаружили. Впереди их ожидало перспективное денежное дело, а далее – солнечная Флорида с новыми документами и пусть неясными, но, как им казалось, радужными перспективами дальнейшего обитания под пальмами и апельсиновыми кущами.

Вечером они перебрались на противоположную от торгового центра сторону дороги, где располагался приземистый мотель с обширной автостоянкой. На паркинге стояло несколько грузовиков с внушительными стальными контейнерами.

– Один из них – наш, – шепнул Серегину Джон. – А вот какой – сейчас выясним...

Он обвел взором окна мотеля. Увидев на одном из них приклеенный пластырь, подошел к нужной двери, постучал в нее.

Дверь раскрылась. В ее проеме стоял сухощавый парень, одетый лишь в длинные цветастые трусы. Был он скуласт, остр подбородком, коротко стрижен, взгляд серых глаз отличала внимательная, с оттенком пренебрежения, оценка стоящих на пороге гостей.

– Привет, Вася, – произнес Джон по-русски, улыбаясь учтиво и осторожно.

– Проходите, господа мошенники, – с безразличным видом кивнул тот в сумрачную глубь номера, где размыто виднелась обшарпанная мебелировка дешевого придорожного пристанища. Затем, присев на прикроватную тумбочку, закинул руки за голову и, мечтательно потянувшись, сказал: – Прошу ознакомить с перечнем дальнейших действий.

– Все как договаривались, – решительно заявил Джон. – Пеленаем тебя, как знатного египтянина, забираем ключи, документы, и – вперед. Твою долю я отвез по указанному адресу, так что задней передачи у тебя в трансмиссии нет.

– Ну, иди примеряйся к тачке, – сказал Вася. – Вот ключ. – И, проводив испытующим взором направившегося к двери Джона, добавил себе под нос: – Во что лезу, дурак?..

– Я тоже понимаю великий и могучий, – заметил Серегин вскользь.

– Во как! – приятно удивился Вася. – Откуда родом?

– Москва...

– А я из Воронежа!

Последовало вялое рукопожатие.

– Давно в этом чертятнике? – поинтересовался Вася, имея в виду то ли Соединенные Штаты как таковые, то ли среду своего обитания в них.

– Скоро свихнусь, – ответил Серегин, подтверждая родство мировоззренческих позиций сторон.

– Вот и меня достало... – мрачно доверился ему эмигрант из Воронежа. – Потому склоняюсь к преступному умыслу. В составе группы себе подобных.

– Я чувствую, у тебя какие-то сомнения в предстоящем мероприятии, – проронил Серегин.

– Он чувствует! – возмущенно всхрюкнул визави, заерзав на тумбочке. – Это я чувствую, что через час вы растворитесь с товаром в пампасах штата Нью-Йорк, а мне вампиры из ФБР вцепятся в загривок на добрый десяток лет. То, что я с вами в доле, – для мусоров версия номер один. И вся дальнейшая житуха отныне будет протекать под их микроскопом. Кроме того, у меня грин-кард на подходе... И ее только так могут притормозить.

– Ну, так дождись грин-кард...

– Матери в России нужны деньги на операцию. Да и вообще... – Он болезненно сощурился и сглотнул, словно едкой слюной подавился. – В раздумье я... Нужна мне эта Америка? Зарабатываешь доллары и сразу же их отдаешь, – квартира, страховки, счета – веером... В итоге за что ляжку тянешь – неясно. Горбатишься, чтобы выйти на ноль. А высунься чуток наверх – сразу же под косу попадаешь: налоги, фискалы... Не страна, а бизнес. У всех на уме только доллары и как бы ближнего объегорить, ничего другого. А мы тут вообще рабочий скот.

– А ты думал, в сказку попал? – спросил Серегин. – Не, ты в жизнь вляпался. Кто нас сюда звал? И кто тут нам чем обязан?

– Вот те на! – Вася встал у стены и, сложив на груди руки, уперся в Серегина негодующим взором. – Нам эти американские барбосы обязаны всем! – Голос его обрел деревянную суровость идейного обличителя. – Зри в корень, земля! И слушай, какой у нас к ним счет! От Гитлера мы их спасли? Это не обсуждается даже. Так они на этом еще и заработали с особой безнравственностью. Сплавляли нам свои неликвиды за тонны золота. Это ж какой, сука, цинизм в квадрате! Мы кровь за них лили, не щадили жизней...

– Ты-то тут при чем? – буркнул Серегин.

– Еще как при чем! – Вася потянулся к пачке сигарет, чиркнул бумажной спичкой, закурил нервно. – Вот дед мой на Западном фронте три года по окопам напрягался. В любые погодные условия зимы и лета. Думаешь, это беспошлинно прошло для всякого рода сперматозоидов? Все заморожено до основания, хотя, с другой стороны, закалка, и она положительно сказалась в дальнейшем, пример перед глазами... Но это – редкое исключение. К тому же голодуха, апельсинов там не давали... Только, сука, водку для храбрости, но она ведь тоже не витамин... И сперматозоид, кстати, к ней приучивается, обретая пагубный навык. Понимаешь, какой нам случился урон по генофонду и по всем направлениям в принципе? – Отмахнулся от табачного дыма, продолжив вдумчиво: – Это первое... А как продолжалась инсинуация в дальнейшем? Холодная война, гонка вооружений. Опять мы в жопе и опять без полезных веществ. Дефицит, недовольство властью. И снова голодуха. Перловка, концентраты, солдатам – бром. Ну, картошка еще... И неопределенная, как богословие, медицина. Результат: развитие похоронного дела. Кто виноват? Естественно – демоны империализма, я в этом не сомневаюсь даже. Далее! – внушительно поднял палец. – Обрушив мировые цены на нефть, они наворачнули, считай, весь Эсэсэсэр. А теперь продвигают в наши мозги свою демократию. Капиталистический индивидуализм. То есть хотят придушить нас нашими же руками. Я вот тут задумался, крутя рулевое колесо... – Голос его обрел доверительную интонацию. – Подсчитал совершенно элементарно... В русском алфавите тридцать три буквы, а у них – двадцать шесть. Эти суки нам точно чего-то недоговаривают... А когда разберемся, чего именно, окажемся в очередной жопе без возможности проникновения к кислороду. По собственной дури и легковерию. Дело к тому идет стремительной походкой! Так что, братец, мы здесь кто? Можно сказать, бойцы на передовой! Народные мстители в тылу у врага. Отчуждаем то, что нам по праву принадлежит. Осуществляем законную экспроприацию, олицетворяющую боевые трофеи. Радеем и за себя и, за того, как говорится, парня... Кто не дожил либо не получил визу. Таких, как мы, надо бы еще во времена Сталина сюда переправлять. Через Магадан эшелонами. На чисто патриотическом мотиве, безо всяких шпионских командировочных, бескорыстно. Мы бы тут такого наворотили, что, пока бы они с нами разбирались, за СССР уже было бы не угнаться! Опустились бы руки... Но с этим решением политическое руководство промедлило... – Он запнулся: в номер вошел Джон.

Джон сказал:

– Все готово, парни. Дело не ждет.

– Вот так, – вяло произнес Вася. – Я не договорил, а уже и пора прощаться. Подведем итоги, земляк. Мои выводы: надо бороться. Преступления капитала нуждаются хотя бы

в каком-то возмездии... Кстати, табачные компании – это же, б..., реальные торговцы смертью! – Он загасил окурки о плитку. – Их всех взорвать надо, а мы всего-то какой-то контейнер с сигаретами упираем, даже неловко... Кроме того, я понял одно: нигде серьезных денег честно не заработать...

Джон, терпеливо выслушивающий речь на языке своих славянских предков, раздраженно кашлянул.

– О'кей, босс, – кивнул ему Вася. – Я готов заняться животрепещущей конкретикой, но у меня твердое условие: никаких телесных повреждений! Здоровье здесь стоит дорого. А его лечение – изнасилование в извращенной форме. Таким образом, рулим по интеллигентной легенде: вы угрожали мне оружием, а я отбивался от вас цитатами из гостиничной библии...

Через полчаса Вася, прилежно обмотанный клейкой матерчатой лентой, лежал на ковровом покрытии пола, а Джон выводил со стоянки тяжелый грузовик. Серегин двигался на легковушке в кильватере похищенной грузовой машины.

Мексиканцы, принявшие в отстойнике желанный груз, рассчитались с ними сполна, тем более Джон уверил их в повторении подобной акции на следующей неделе и даже взял под нее залог в десять тысяч долларов. Поскольку возвращения в Нью-Йорк в ближайшие годы не предполагалось, мести обманутых мафioso он не опасался, забыв об их существовании через мгновение после ущемления безвозвратного аванса в карман. Обмен товара на деньги страховал Серегин, в любой момент готовый выхватить из-за пояса пистолет, находящийся на боевом взводе. Несмотря на внешнюю миролюбивость мексиканцев, в деловых взаимоотношениях с ними Джон помимо личного обаяния полагал нелишней и обаяние силовой поддержки.

– А вот теперь, – сказал он Серегину, усаживаясь в машину, – нам надо увеличить свой капитал. И я знаю, что следует для этого сделать.

– И что же? – с опаской спросил Олег.

– Мы едем в Атлантик-Сити, – последовал твердый ответ. – В казино.

– Что?!

– Ты еще не понимаешь, с кем имеешь дело! Я знаю систему... Абсолютно бесприигрышную. Естественно, мы не разорим их дочиста, в этой шарашке заправляют опытные итальянские сволочи... Но мы отрежем по кусочку от их жирных задниц! Со своим другом Джоном ты не пропадешь никогда! Кстати, вот твои пять тысяч за труды и за помощь.

– Всего-то? – спросил Серегин.

– А что ты сделал? – спросил Джон. – Составил мне компанию и поскучал с пистолетом возле гаража? Кроме того, я покупаю тебе документы за свой личный счет, хотя и в долг... Но без процентов. Не говорю про текущие расходы. С ними мы разберемся позже... Оцени и то, что ставлю тебя своими руками на настоящий американский путь. Ты каждый день набираешься знаний и опыта. И эти пять тысяч – неслыханная щедрость с моей стороны, признай это, не будь свиньей.

Кирьян Кизьяков. XX век. Пятидесятые годы

Летом Кирьян приехал в деревню навестить мать и отца, застав в родных местах большие и неприятные ему перемены. В безмятежный простор и в тихую благодать знакомой местности вклинилась стройка деревообрабатывающего завода, расширилась зона, обрастая хозяйственными и производственными бараками, изуродовались таежные дорожки колеями, выдавленными шинами лесогрузов, валялось по обочинам ржавое железо и рваные покрышки вперемешку с почернелым упаковочным картоном, обрывками троса и битым стеклом. И уже шагали к новому форпосту социалистической цивилизации, блестя холодно и властно, как взоры конвойных стражей, возвышающиеся над тайгой мачты высоковольтной линии.

Обнялся с матерью, ткнулся лицом в охвативший ее голову белый чистый платок с полынным запахом, приметил с тоской седину в выбившейся из-под батистовой материи пряди, сеть упорных морщинок, пробивающихся над верхней губой и под глазами – явно и пугающе тускневшими... А отец, напротив, раздобрел, округлел животом, пожирнел шеей, излучая собой довольство, уверенность и добродушие человека, крепко стоящего на своей стезе в этой жизни.

Увидев серебряный крестик с продетой в петлю бечевой на груди сына, не сказал ничего, лишь переглянулся с матерью, и та кивнула – сурово и одобрительно. В расспросы не вдавались.

В предчувствии долгой и тягостной зимы, посвященной учебе, Кирьян особенно остро ощущал простор и свободу родных мест, в очередной раз оставляемых им ради неведомого будущего, путь в которое открывала бумажка о техническом среднем образовании. Цена бумажки – однообразие монотонных будней, унылость общаги и неприветливость мрачного городишки с его нелюдимыми обитателями, забивающимися зимой в свои норы, как древооточцы под кору. Единственная отрада – Даша... Ради нее он был готов претерпеть все.

Перед отъездом отец решил устроить ему небольшой праздник, сводив на охоту в свои тайные, богатые дичью уголья.

Весь вечер накануне чистили ружья, рубили свинец и катали дробь.

Пройдя ложбиной до отрога ближайшей сопки, отец обернулся, сказал:

– Охота – потом. Куда сейчас веду, путь запоминай крепко, а примет его много, моими трудами смастеренных. Валун видишь? Вот царапина – направление... Теперь изгибом идем, в кедрач...

– Так куда идем-то? – не выдержал Кирьян.

– Не столько «куда», сколько «зачем», – последовал ответ. – Затем, сынок дорогой, что час твой настал... И – ох, как часа того я ждал! Все поймешь скоро... К закату с дорогой управимся.

Шли долго и тяжело. Прошли границу известных Кирьяну буреломов и сгоревшей тайги. Дальше обогнули широкое и длинное, как ров, грозное в своей многовековой замшелости, болото. Места здесь были уже заповедные и гиблые, никто из местных сюда и носа не казал, а пропадали в этих дебрях многие. Поговаривали, что целая группа геологов сгинула еще до войны бесследно, а посланная за ними подмога вернулась измочаленная и перепуганная – все компасы у нее отказали, хорошо, обратно по солнцу и звездам выбрались. А ночами августовскими – холодными и прозрачными, дрожали над таинственной далью этих мест неясные голубые всполохи, извергаясь порой ввысь из земли ломкими молниями, тут же истаивавшими в темени таежных небес.

К утру, после безмолвной ночевки, вышли на высокий берег узкой и стремительной реки, несший своей зеленый прозрачный поток в разломе выветрившихся высоких сопки с бесчисленными дырами ласточкиных гнезд. В воздухе, от чистоты которого ныли легкие, висел хлоп-

потливый птичий гомон и ровный шум несущегося водного потока, kloчущего на вершинах каменных глыб, выпирающих из стремнины.

Расстелив палатку, прилегли, оглушенные мощной и дикой красотой потаенного, чуждого человеческой суете и неге, одинокого и гордого мира.

Отец, скрестив ноги, опершись на локоть, лежал, покусывая нежный стебель подвернувшейся под руку травинки.

– Ну? – спросил он, не оборачиваясь к Кирьяну. – Как тебе тут? После городских-то пейзажей?

– Красота... – выдохнул тот.

– Понятное дело... Там – пресмыкание. А тут... – Помедлил, затем сказал с чувством: – Тут – воля!

– Только участь здесь наша – гостей сиюминутных, – сказал Кирьян. – Вот так – налюбуемся и обратно по своим норам...

– Против того не пойти, – сумрачно отозвался отец. – А коли жизнь человеку меж людей дана, а люди по многим разумениям живут, то и нам к тому приспособливаться требуется. Так вот, сынок, и разговор наш о том пойдет. Как бы среди мира грешного пристроиться умно и в достатке, со временем и с начальством ладя, дабы в канаве свой век не закончить. А начну с чего? Жили твои деды сибирские вольно, с миром и с Богом в ладу, а тут грянула напасть – власть советская. И деревню нашу староверческую, в свои времена основанную, решили сгубить бесы да олухи в буденовках. Все разорили, а за сопротивление дома пожгли, народ казнили, и подались оставшиеся в разброд – кто куда... Так мы с матерью твоей и с тещей моей незабвенной, святой женщиной, в этих краях и очутились – погорельцы, мол. Спаслись тайгой, дарами ее – босые, синюшные, по углам перебивающиеся. А по Расее в те времена от голода и лих миллионы сгинули! Вот что один лысый черт со своими подручными учудил! А теперь лежит, падла, в замке мраморном, под колпаком хрустальным, благодетель, видишь ли! Мы с матерью твоей о многих детях мечтали, дети в нашем быте крестьянском – другое, чем в городе избалованном, чем их больше, тем жизнь легче и хозяйство крепче... Только дал нам Бог одного, тебя, не смогла мать на ватагу сподобиться. И в тебе все чаяния наши и мечта моя великая, о чем потом расскажу. Ну, вот. Думали, сгинет вскоре нечисть красноезвездная, да хрен угадали! Вволю она над народом потешилась! А как война началась, меня враз на фронт подмели, и тут-то явились мне открытия, все мое сознание перевернувшие. Думаешь, все как один оборонять страну устремились, как в кино кажут и в газетах пропечатывают? Да уж! У многих сомнение было: вдруг, да к культурному немцу лучше переметнуться? И многие бы к нему ушли, если б не дисциплина коммунистическая, расстрелом не только отступнику грозившая, но и пагубой для семьи его. И дисциплина эта к войне применительно непреложным правилом во всех умах устоялась, а потому один был путь: в атаку! И вот тут осенило меня: вдруг все напасти большевистские благом обернулись, ибо по-особому закалили народ и ослили мы ту бойню, избавившись от такого ига, от какого никакая бы тайга не спасла! Дураком немец оказался в главном: никакого спасения нам не оставлял, никакой надежды, хоть и врал про обратное. Но врать-то врал, а зверства его налицо каждый день выворачивались. И другое увидел я: кровь кругом, трупы горами, а начальнички наши добро трофейное сортируют добросовестно и эшелонами в свои личные закрома направляют, к безбедной дальнейшей жизни готовятся. А возьми я, солдатик, драгоценность какую себе на карман, тут же и под трибунал загремлю, где если и дадут шанс выжить, то в штрафбате. А там выжить – задача, там всем смерть заведовала, строгий учет вела... Ну, свезло-таки, вернулся. Дальше – сам знаешь, устроился, обжился. Только времечко потекло новое, коварное, и куда его течь направилась, старался я уяснить, и вот что понял, сыночка: как не было правды, так и нет. Коммунисты свое гнут, прежнее, про добросовестный труд, презрение к деньгам, все такое, а верхушка-то их жирует бессовестно! И коли наведается к бедному человеку беда, ничего, кроме словоблудия,

ему и не предложат. Впрочем, как и встарь. Так что истина проста: есть у тебя деньги – все будет хорошо, нет – от лиха не спасешься. Но и другое я видел: полезло после смерти Усатого, как трава сквозь асфальт, им угнетенное: алчность человеческая, себялюбие, к наживе расположенность... И тому теперь непротивление верхов имеется. Почему? Зажрались они, верхи, и прежним манером гайки заворачивать опасаются, самих такие завороты смять способны. Со всем их добром, исподтишка нажитым. А значит, послабления всякие будут. И точно! Начали они себя снисходительностью ко всякому «левачеству» спасать. Мол, подрабатывайте и поворывывайте, но меру знайте. Чтобы развращенность свою развращенностью других оправдать. А в сталинские игры с репрессиями с оглядкой поигрывать, штучно. Только за послаблениями всегда крах маячит. И аж нутро холодеет, когда подумаю, каким этот крах будет... Вдруг да частные хозяйства разрешат? Вдруг новых людей к власти допустят, толковых, совестливых? Так они ж с нашей воровской страной не управятся, под откос ее пустят... А коли махровое жулье наверх всплывет, тут и вовсе пропасть... Вот о деньгах я тебе толковал... Большие они друзья, верно, но судьба их от многих несообразностей зависит. И в прах обращаются они порой одним днем. А потому держать их надо в запасе необходимом, с текущей жизнью соразмеряя, но уж никак на них не любясь, а в нужное и нетленное их обращая. Ну, вот и кончена речь моя долгая, а теперь пошли к наследию моему, что в большие люди тебя выведет...

– Уж не золота ли ты пуд намыл? – тяжело усмехнулся Кирьян.

– В наших краях его на легкий выем – редкими пятнами, – отозвался отец, поднимаясь. – Да и те освоены. Еще с той поры, когда сопки горами были...

Кирьян слышал, что в отдаленных окрестностях люди натыкались на стародавние копи, напоминавшие норы зверя. Находили в них кайла из странного рога и даже рукавицы из шкур, целиком содранных с лосиных голов. Снимали шапки перед превратившимся в камень обмеленным телом погибшего под обвалом рудокопа из племени, само имя которого давным-давно растаяло в тумане тысячелетий...

– А про геологов пропавших помнишь? – Отец смотрел на Кирьяна отстраненно. – Так вот... В болоте, думаю, сгинули, а одного, медведем задранного, нашел. Властям про то разванивать не стал, кабы не вышло что... Прихоронил под елью. А вот сумку с бумагами его взял, изучил бумаги. Камни они тут искали, изумрудами зовутся. И нашел я жилы те, в бумагах обозначенные. А теперь, значит, вот... – Он шагнул к старой лиственнице, отмерив от нее пять шагов, потоптался, потом приказал: – Лопату бери, нарежь дерн... Складывай его ровно, после копай...

И Кирьян послушно принялся за работу. Вскоре из ямы, обложенной почернелыми кедровыми досками, был извлечен один из десятков хранившихся в ней увесистых прорезиненных мешков, перехваченных бечевой.

Бечева развязалась, и на ладонь Кирьяна выпал странный грязно-зеленый колючий булыжник с остатками сбитой коросты черного слюдяного сланца. А следом, светясь синеватым прозрачным отливом, из мешка выпростался ежик из сплавленных между собой грубо ограненных кристаллов...

– Золото! – послышалась презрительная реплика отца. – Ты сейчас его за пазуху можешь положить целую телегу... И в коленях не дрогнуть.

– Неужто кристаллам такая цена? – изумился Кирьян.

– И сомнения выбрось, – кивнул отец. – Только богатство это наше с тобой несвоевременное, опасное, но крохами его аккуратно попользуемся... А коли и тебе в жизни не будет удачи потратить его с пользой, внука моего сюда приведешь в свой черед... Все понял? А теперь главное: кто знает, вдруг доведется тебе в это место не по своей воле прийти, под стволом да по принуждению? Все бывает... Но и тут продумал я крепко задачу... И оружие найдешь по пути, чтоб отбиться, и ловушек для врага расставленных без числа. Без доброй воли твоей ни один камень отсюда не сдвинется. Все, укладывай дерн. Веткой землю смети, даже

тут след оставлять – вне правил наших... И пошли далее, покажу, где изумруд обретается, и как добыть его поймешь...

Кирьян ослепленно зажмурился. Все смешалось в его голове. Теперь он был богачом. Но не испытывал от этого никакого счастья. Ибо в сознании его был только труд, и только трудом, по его убеждению, человеку и следовало жить. А значит, и богатство это, ничуть не тронувшее его душу своей значимостью, являло собой нечто отнюдь не праздное, а тот же труд и – долг, обязанный обратиться в Волю Божью.

Обратно шли побаловать себя, на охоту. Чтобы к рассвету прибыть к нужным местам, поднялись задолго до солнца, уйдя от реки черной ночью. В воздухе, будто просеянный через тонкое сито, висел муторный дождь, от которого в лесах наливается долгая и нудная капель.

Тайга вымокла до корней, почернели деревья, задетая хвоя осыпала путников пригоршнями обильных стылых капель. Все лесное пространство было пронизано монотонным и назойливым стуком срывающейся на землю тягучей воды.

Шли в сторону старого лесного пожарища, уже прораставшего неприхотливой молодой осинкой и березой на полянах, изобилующих ягодой. Сырая погода не смущала: если с зарей дождь утихнет, наступит лучшая пора для охоты. Отяжелевшая, с намокшим пером птица теряет привычную настороженность, замирает в полусне.

Исподволь уходила с паром от трав окружавшая их мгла. Чернели застойной водой ямы от лосиных и кабаньих копыт.

– Вроде дотопали, – сказал отец, высунув запястье из одубевшего от дождя брезентового рукава дождевика. Циферблат часов слабо светился фосфором стрелок и цифр. Руки были влажны, лица тоже. Их окружал туман, и в его пелене нельзя было понять, продолжает ли сеять дождик или неразличимые облака уже истаяли.

Обугленные кусты и корявая, словно дегтем вымазанная черемуха, очерчивали границы лесного пожара, докатившегося сюда обширным пятном и сникнувшего по краям болот и промоин. За ними тайга стояла высокая, плотная и горделивая.

Отец первым шагнул в сторону черных безжизненных завалов выгоревших деревьев.

– Зайцев будем брать? – спросил Кирьян.

– Таскайся с ними потом, мешком плечо отлوميшь, – небрежно ответил отец.

Он не успел пройти и десятка шагов, как вдруг с громом и шелестом, прямо из-под его ног, выскочил кверху, в спасительный туман, матерый глухарь, наверняка лакомившийся здесь сморщенными сизо-черными ягодами поздней голубики.

Сверкнув белым подбоем, мощная птица тяжело потянула в высоту, но Кирьян мгновенно ударил навскидку: раз, два! Посыпалось перо. Глухарь на мгновение завис в воздухе, а после грузным мешком ударился оземь.

Отец рысью бросился к добыче, держа ружье наперевес, знал: глухарь крепок на рану. И битый насмерть, может уйти далеко, если не сломано крыло. Но тут с выстрелом повезло, дробь угодила под шею. Другое дело, теперь птицу предстояло затаить, привязав к ветвям: таскаться с самого утра с тяжелой, килограммов на шесть, добычей значило превратить охоту в маяту.

– А ты чего ж бьешь из-под меня? – увязывая петлей глухаринные лапы, проворчал отец.

– Ты поднимаешь, я дело доканчиваю... – со степенным смешком ответил Кирьян.

– Ишь, распорядился, гражданин начальник...

Часа через три мешки наполнились. Они взяли еще одного глухаря, двух тетеревов и пеструю лесную куропатку.

Сбросив с плеч тяжелые и мокрые заплечные мешки, присели передохнуть на краю мохового болота с торчащими из него бледными стволами давно сгнивших, без ветвей и верхушек, сосен. Поодаль, омывая своими густыми коврами останки трухлявых пней, стелились, посверкивая сине-багровым бисером, брусничник с черничником.

Внезапно отец насторожился, пригнул Кирьяна к земле, шепнул на ухо:

– Сторожись, паря, кто-то рядом толчется, недаром остерегал...

Кирьян молча кивнул, превратившись в слух. Но куда ему было до отца, тот ощущал каждый шорох в тайге нутром, сердцем...

– Замер... Вот еще шаг сделал... – еле слышно выдыхал отец. – За кочки ползем, держись высокой травы... Не с добрыми делами сюда этот гость притопал, выцеливает нас, чую... – Он помолчал, затем, припав ухом к земле, лежал так долго, минуты две, затем, подняв голову, сказал, как дунул: – Замри тут, за меня не бойся... – И тут же резко поднялся, откатнулся в сторону, скрылся в кустарнике, мелькнул тенью в просвете двух сросшихся сосен, и в этот момент слух Кирьяна поразили резкий, сухой, но и раскатистый удар. И едва он успел сообразить, что это винтовочный выстрел, бухнуло гулко ружье отца.

Нарушая наказ родителя, скинув с себя плащ, Кирьян, пригибаясь, ринулся в сторону, где тот скрылся.

Отца он нашел на прогалине в чернотальнике, держащим ружье стволом вниз. Тот вскинул на него укоризненный взор:

– Чего дергаешься без команды? – И тут же перевел тяжелый озабоченный взгляд к густым сорным кустам, на чьих путаных ветвях в желтизне сухих листьев обвис ничком какой-то человек. Рядом валялась винтовка с серым, без лака, прикладом и рыжим от ржавчины стволом.

Отец стрелял из двустволки с десятка шагов, и дробь его шла потоками слитными, более разрушительными, нежели пули.

Незнакомец был мертв. Излохмаченная телогрейка на его спине, потерявшая от времени всякий цвет, теперь наливалась багряными пятнами. В прорехах ватных, в клочья разодранных штанов белели худые, тонкие ноги, на которых неизвестно как держались огромные перемятые кирзачи.

С содроганием оглядывая убитого, Кирьян поднял винтовку. Там, где в металл не въелась ржа, ствол был белесый, с давно утраченным воронением, прицел согнут, ветхий приклад пощелкивал на сорванной резьбе крепежных винтов... Он с трудом передернул затвор. Неужоженный механизм поддался туго, и стреляная гильза не вылетела, а выпала в траву тусклой латунной пустышкой.

– Думаю, последним патроном меня бил, – сказал отец. – Да только нашел кого... Будь у него автомат, все равно бы промазал и ту же бы гибель принял... – Он безо всякой брезгливости взял мертвеца за руку, всмотрелся в бледно-синие татуировки на безжизненной коже, обтянувшей кости предплечий. Присвистнул: – Это ж беглый... На него ориентировки к нам слали, точно. С далекой зоны ушел, триста верст отсюда... И с самой весны по тайге бродит... В чем только душа у него держалась?

Отец, прошедший войну, казалось, был вовсе не обескуражен произошедшим, а Кирьяну, впервые увидевшему мертвеца вне гроба, было и гадко, и страшно, и тошно. Истощенное тело убитого, едва прикрытое рваными остатками одежды, притягивало к себе взгляд, как магнит.

– Наш брат охотник для беглого – добыча дорогая, – говорил между тем отец, рывками выволакивая убитого из кустов. – Тут есть чем разжиться: спички, оружие, одежда, обувь да и хлебушек... Вот попался бы ему какой лопух или же неумеха, кончено дело! Распотрошил бы его да и дальше пошел колобродить, шатун проклятый! – Продолжил сокрушенно: – Раньше, кстати, тут банды водились, старателей промышляли... Намоют ребята золотишка, идут с хабаром через чащобы, а на тропах их уже лиходеи поджидают... Золотишко-то мыть – дело тяжелое, а вот чужими трудами воспользоваться – один момент... – Он провел ладонью по стволу ружья. Усмехнулся. – Вот интересно... Железа на земле куда больше, чем золота. Но золото убило людей больше, чем железо. Это я тебе, сынок, ко всему прежде сказанному... К нашему месту пойдешь, как знай: за спиной – враг!

– А с этим что делать будем? – Кирьян покосился на мертвеца.

Отец усмехнулся:

– Как – что? Милицию звать будем, прокурора... Милиция тут – волки, понятые – лисы, прокурор – медведь... Ох и дурак же ты еще, Кирюша! Ну, раззвони я об этом жмуре, чего станется? Люди, даже мать твоя, смотреть на меня станут, как на убийцу, хоть и защищался я, да и тебя спасал... А в зоне как эки мой подвиг воспримут? Я ж их смельчака завалил, блатную масть вылушил! Или мне от начальства медальку надо? Не-ет, плохая это награда, собачья...

Они молча отнесли мертвое тело к болоту, выбрали место и утопили беглого вместе с винтовкой под мхами. Затем, взвалив на спины мешки с опостылевшей дичью, выбрались из гари и побрели к деревне.

Охотничий задор бесследно пропал, возвращались угрюмо и молча. Перед глазами Кирьяна неотступно возникал то образ убитого доходяги, то сноровистые и отважные маневры отца в преддверии выстрела из засады, его спокойная, рассудительная речь, собственные дрожжащие руки, ухватившие сухие лодыжки переносимого к топи трупа... Какая неизвестная, несчастная и изломанная судьба оборвалась перед ними? Уже не будет ответа.

А на душе лежал тяжкий, омерзительный груз... Но вот странно: они же ни в чем не согрешили! Они были правы! И бестрепетная логика отца тоже не подлежала сомнению. Но как бы ни было, случившееся мучило Кирьяна неотвязным страданием, будто он оказался причастен к деянию жестокому и грязному, навсегда измаравшему его душу.

И неужели дальнейшая жизнь снова ввергнет его в нечто подобное, и ввергнет не раз? И что же будет тогда? Вернее, каким же он станет? Таким, как отец? Отец, всегда и даже сейчас безоглядно им любимый и неподсудный. Но ему не хотелось быть подобием этого умного и сильного человека, и он с отчаянием сознавал, что всегда, пусть и отдаленно, его корбило от точной, хитро продуманной выверенности слов и поступков того, кто вынырнул и выпестовал его и чьим смыслом он, Кирьян, был.

И тут пришло тяжелое, как гиря, и окончательное, как заслонка печи крематория, понимание: они – одного корня, одной общей судьбы, а значит, таковым, как отец, ему выпало стать.

– Батя!

Отец, шагавший впереди, недоуменно оглянулся.

Кирьян подошел к нему, внезапно для себя обнял, ткнувшись щекой в намокший брезент его плаща, и – расплакался.

А тот, дрожа от ответной взволнованности, гладил дрожащей рукой его волосы и приговаривал незнакомым ласковым и ломким голосом:

– Сыночек, родной, вот же жизнь наша какая, а? Как увечит-то нас нещадно, как испытывает... И не видно тому конца...

Игроки

Атлантик-Сити встретил их сырым ветром, устремлявшимся с океана, висевшей в воздухе моросью, неуютном пустынных улиц и мокрой дощатой набережной. Поэтому, словно воротами в иной мир – извечно праздничный и сияющий, оказались стеклянные двери совмещенного с отелем огромного казино с его мраморными лестницами, хрустальными хороводами огромных люстр, лакированными стойками баров, ухоженными коврами настилами.

Свое гениальное открытие по игре в рулетку Джон подтвердил Олегу самым убедительным образом, предложив сотню раз подбросить, подловив на ладонь, серебряный доллар, который он носил на груди подобно нательному кресту. Попеременно выпадали то «орел», то «решка». Однако Джон утверждал, что, если поставить на аверс или реверс и постоянно удваивать ставку, то после череды проигрышей все равно рано или поздно выпадет выигрыш, покрывающий все предыдущие неудачи и приносящий прибыль. Многократно проверив эту гипотезу на примере монетки, Серегин убедился в правоте друга. Данный принцип в теории соответствовал и рулетке с ее ставками на «черное-красное» либо на «чет-нечет».

Играли на разных столах, но одинаково удачно, выиграв за день по двадцать тысяч долларов,

– Нам везет так, будто мы нашли подкову от слона! – возбужденно шептал в ухо Олегу Джон.

Вскоре возле них появился молодой человек с отменными манерами, представившийся совладельцем казино и пригласивший их на ужин в собственный ресторан, непосредственно в игорном заведении и располагавшийся. Ужин прошел мирно и весело, хозяин пожелал им дальнейшей удачной игры и удалился, отчего-то ничуть не расстроенный нанесенным ему уроном. Позже задним умом они уяснили, что трапеза с хозяином была предложением для проработки клиентов, и ушлый заправила казино, убедившись, что перед ним не профессионалы, а залетная шушера, счастливо сорвавшая небольшой куш, принял к ней привычные контрмеры. Игрокам тут же предоставили по бесплатному роскошному номеру в отеле, выдали талоны на питание в ресторане и предложили выпивку за счет заведения: только играйте! А вот с дальнейшей игрой отчего-то не заладилось. Шарик неизменно попадал не в ту ячейку, и, даже когда, заподозрив неладное, они делали ставку в последний момент, надеясь перехитрить или крупье с каким-либо секретным пультом, либо отвернувшись от них удачу, дело не клеилось. Удваивать же ставки до бесконечности не позволяли правила. Деньги буквально уплывали из рук. Наконец Олег поставил на кон все до единого доллара и – о, чудо! – вернул все потерянное под восхищенный вздох собравшейся вокруг толпы, рисковавшей по мелочи и приехавшей в казино не столько играть, сколько развеяться, поглазев на разнообразные шоу.

К Серегину, в чьи ботинки, казалось, стекал адреналин, подошла стройная эффектная брюнетка. Спросила восторженно:

– Вы из России?! – Голос ее был глубок, низок и чувственен.

– Да...

– Только русские могут делать такие сумасшедшие ставки, – пояснила она, восхищенно глядя на Олега. – Вы просто меня поразили... Я слышала, в России были самые отважные офицеры, их звали гусары! Я читала Толстого... Вы его знаете? У него есть потрясающая новелла «Анна Каренина» про женщину, которая не нашла в жизни настоящего мужчину и поэтому легла под поезд...

Вирджиния, как представилась брюнетка, жила в Аризоне и на Восточном побережье очутилась, будучи в деловой поездке от торговой компании, где служила менеджером. Ее имя означало девственность, и хотя в этом смысле заблуждаться не приходилось, влюбленность постигла Серегина стремительно и неотвратно, как падение в яму. Он не мог отвести взора от

нежной шеи, высокой груди, чистых голубых глаз собеседницы и ее крутых бедер, обтянутых изысканной атласной юбочкой. Его бил легкий озноб. Напряжение прошедшей игры притупил выпитый алкоголь, но неожиданное сердечное увлечение вновь лихорадило его своей чарующей непредсказуемостью.

Из бара перешли в ресторан. Мельком Серегин оглянулся на Джона, застывшего со стаканом виски у игорного стола, пестрящего фишками ставок. Лицо приятеля было мрачно, и сосредоточенные морщины бороздили его лоб. Дела Джона, судя по всему, шли наперекосяк.

Неодобрительно взглянув на исчезающую в ресторанных дверях парочку, он сподобился лишь на ядовитую ухмылку, которую Серегин воспринял как знак ущербной зависти.

После ресторана Вирджиния, кокетливо посмеиваясь в игривом раздумье, все-таки приняла предложение кавалера навестить его номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.